

У629.3
0-66

и/а

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Ю. К. ОРЛОВ

ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Москва — 1982

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Ю. К. ОРЛОВ

ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

код экземпляра

335516

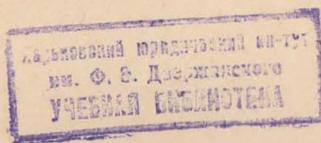

Москва — 1982

Рецензенты:

ст. научный сотрудник ВНИИСЭ Министерства юстиции СССР
проф. В. Д. Арсеньев, доктор юрид. наук, проф. Ю. Г. Корухов

Ответственный редактор проф. П. А. Лупинская

Печатается по постановлению Редакционно-издательского Совета ВЮЗИ

Глава I

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭКСПЕРТИЗЫ

§ 1. Понятие экспертизы. Основания ее назначения и проведения

Производство экспертизы является одним из следственных действий, предусмотренных уголовным законом (ст.ст. 78—82, 184—194, 288—291 УПК РСФСР¹), а заключение эксперта — одним из видов доказательств (источников доказательств) (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР).

Экспертиза по уголовным делам проводится в случаях, когда для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, требуются специальные познания (ст. 78 УПК РСФСР). Судебная экспертиза является наиболее квалифицированной формой использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве. Она значительно расширяет познавательные возможности следствия и суда, позволяя использовать в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел весь арсенал современных научно-технических средств. Поэтому экспертиза нередко выступает в качестве довольно эффективного способа установления существенных обстоятельств дела. Судебная экспертиза постоянно развивается путем создания новых и совершенствования имеющихся методик исследования и находит все большее применение в судебно-следственной практике. Наиболее распространенными являются различные виды криминалистических экспертиз (дактилоскопическая, баллистическая, трасологическая, почерковедческая, техническая экспертиза документов и др.), судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, судебно-бухгалтерская, судебно-автотехническая экспертизы. В последнее время все более широкое применение получают также товароведческая, пожарно-техническая, строительно-техническая и некоторые другие экспертизы.

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, имеются в виду также соответствующие статьи УПК других союзных республик.

Основные признаки (черты) экспертизы могут быть сведены к следующим.

1. Использование специальных познаний. Судебная экспертиза проводится лишь в случаях, когда для установления определенных обстоятельств (фактов) необходимы специальные познания. Перед экспертом не следует ставить вопросы, не требующие специальных познаний, они должны решаться непосредственно следователем и судом. (Подробнее вопрос о понятии специальных познаний рассмотрен ниже.)

2. Проведение исследований с целью установления обстоятельств, имеющих значение для дела, — это тоже обязательный признак судебной экспертизы. Экспертиза имеет целью установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу либо имеющих значение доказательственных фактов. Эти обстоятельства должны устанавливаться экспертом на основе проведенного им исследования. В случаях, когда вопросы хотя и носят специальный характер, входят в компетенцию определенных специалистов, но не требуют для своего разрешения проведения исследований (например какие-либо общие научные положения), экспертиза проводиться не должна. Этим, в частности, экспертиза отличается от допроса эксперта и от справочной деятельности (подробнее вопрос о соотношении экспертизы с другими формами использования специальных познаний рассматривается в § 3 настоящей главы).

3. Специальный субъект экспертизы. Экспертиза проводится лицом, специально назначенным следователем или судом. Это лицо — эксперт — должно обладать соответствующими специальными познаниями и удовлетворять другим требованиям, указанным в законе. Эксперт наделен рядом процессуальных прав и несет процессуальные обязанности. Он, в частности, обладает определенной процессуальной самостоятельностью и независимостью при проведении экспертизы, дает заключение от своего имени, по своему внутреннему убеждению и несет за него личную ответственность. Эксперт по своему процессуальному положению отличается от всех других субъектов уголовного процесса, в том числе и от специалиста.

4. Экспертиза производится в определенной процессуальной форме. Уголовно-процессуальным законом регламентирован порядок назначения экспертизы, ее проведения и процессуального оформления; определены также права и обязанности участников процесса в связи с производством экспертизы. Процессуальная форма производства судебной экспертизы также является ее характерной чертой, отличающей ее от ревизии и от несудебных (ведомственных) экспертиз, проводимых до возбуждения уголовного дела либо после его возбуждения, но независимо от него и не в связи с ним. Соблюдение процессуальной формы производства судебной экспертизы — необходимое условие допустимости заключения эксперта как судебного доказательства.

5. Ход и результаты экспертного исследования оформляются специальным процессуальным документом — заключением эксперта, которое является самостоятельным видом судебных доказательств, предусмотренных законом (ст. 69 УПК РСФСР)². Этим, в частности, экспертиза отличается от деятельности специалиста, которая оформляется протоколом соответствующего следственного действия. Различного рода справки, акты и заключения ведомственных экспертиз, содержащие данные, полученные с применением специальных познаний, являются разновидностью иных документов, а не самостоятельным видом доказательств.

В итоге судебную экспертизу можно определить как процессуальное действие, основное содержание которого составляет проводимое по заданию органов расследования или суда специально назначенным ими лицом — экспертом и в определенном законом порядке исследование с использованием специальных познаний с целью установления обстоятельств (фактов), имеющих значение для дела, ход и результаты которого фиксируются в особом документе — заключении эксперта, являющемся самостоятельным видом доказательств³.

Как указано выше, общим основанием производства судебной экспертизы является потребность в специальных познаниях. Специальными являются знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, ими обладает более или менее узкий круг лиц. Специальные познания являются результатом особой подготовки, профессиональных навыков. Понятие специальных познаний, их отличие от познаний общедоступных, широко известных подвижны, исторически обусловлены уровнем развития общества, суммой накопленных им знаний⁴.

Выше уже говорилось, что вопросы, не требующие для своего разрешения специальных познаний, а могущие быть решенными на основе общеизвестных знаний и житейского опыта, не должны

² В случаях, когда эксперту не удалось разрешить исследуемых вопросов, то есть когда экспертиза завершилась безрезультатно, составляется сообщение о невозможности дачи заключения.

³ Аналогичные признаки (черты) судебной экспертизы и ее определения дают более или менее развернуто и другие авторы (Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II. — М.: ЦНИИСЭ, 1968, с. 6—16; Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. — М.: Юридическая литература, 1973, с. 3—20; Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. — М.: Юридическая литература, 1979, с. 3—7). Недостатком этих определений является, на наш взгляд, лишь отсутствие указания на признак экспертизы, отличающий ее от всех других форм использования специальных познаний в уголовном процессе, а именно, что заключение эксперта является самостоятельным видом доказательств.

⁴ Подробнее об этом см.: Эйсман А. А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения вещественных доказательств. — Вопросы криминалистики. М., 1967, № 6—7, с. 40.

ставиться перед экспертами. Так, неоправданны встречаящиеся иногда случаи назначения экспертизы для определения степени сходства фальшивой монеты с настоящей или для решения вопроса о том, являются ли данные изделия порнографическими. Такого рода вопросы должны разрешаться непосредственно следователем и судом. Согласно Правилам определения степени тяжести телесных повреждений не может устанавливаться экспертом наличие обезображивания лица, так как это понятие не является медицинским и данный вопрос относится к компетенции органов дознания, следствия и суда⁵.

Специальные познания, необходимые при производстве экспертизы, могут относиться к любой отрасли знания — науке, технике, искусству или ремеслу. Исключение составляют лишь правовые знания, которыми должны обладать следователи и судьи. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении № 1 от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» специально указал, что «суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов (например, имело место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т. п.)»⁶.

Вместе с тем представляется допустимым разрешение экспертом вопросов, относящихся к техническим или иным специальным правилам. В практике довольно часто перед экспертами ставятся и решаются ими вопросы о соблюдении правил бухгалтерского учета, строительных правил, правил пожарной безопасности и др. Такого рода правила носят двойственный характер: с одной стороны, они являются правовыми предписаниями, а с другой — рассчитаны обычно на лиц, имеющих соответствующую специальную подготовку и определенные практические навыки, то есть не являются общеизвестными и общедоступными⁷. Следовательно, для решения вопроса о соблюдении таких правил требуются соответствующие специальные познания, что является основным критерием отнесения его к компетенции соответствующего эксперта⁸.

⁵ Правила определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1960 года. — Советская юстиция, 1961, № 13, с. 29.

⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 2.

⁷ Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. — М.: Юридическая литература, 1964, с. 124—127; Надгорный Г. М. Процессуальные вопросы судебной автотехнической экспертизы. — Киев, 1975, с. 18—22; Романов Н. С. Теоретические и доказательственные вопросы судебно-автотехнической экспертизы. — Киев, 1975, с. 86 и след.

⁸ Это не означает, что всякие технические нормы требуют для своего истолкования специальных познаний. Многие из них рассчитаны на широкий круг лиц, (например на пешеходов), общепонятны и вполне могут быть усвоены любым лицом, не имеющим специальной подготовки. Поэтому неоправданны встречаящиеся иногда на практике случаи назначения экспертизы для решения таких, например, вопросов: соответствуют ли правилам дорожного движения действия водителя, находящегося в нетрезвом состоянии, или пешехода, переходящего улицу в неположенном месте, и др. Подробнее об этом см.: Надгорный Г. М. Процессуальные вопросы судебной автотехнической экспертизы, с. 28.

Однако эксперт при этом не вправе решать вопрос о нарушении специальных правил, поскольку этот термин включает в себя волевой момент, определение которого не входит в компетенцию эксперта. Более правильным представляется установление экспертом соответствия (несоответствия) каких-либо действий указанным правилам, поскольку это позволяет ему не только не касаться волевого момента, психического отношения субъекта к своим действиям, но и вообще формулировать вывод безотносительно к этому субъекту (который эксперту обычно неизвестен или, во всяком случае, не им устанавливается). Например, эксперт-автотехник указывает в заключении, что действия водителя такого-то автомобиля в данной дорожной обстановке соответствуют (или не соответствуют) правилам дорожного движения; при этом он не называет фамилию водителя, поскольку может судить о том, кто фактически управлял этой машиной, лишь по материалам дела (кстати, не так уж редки случаи, когда впоследствии выясняется, что за рулем находился совсем другой человек).

Следователь и судьи также обладают определенными криминалистическими познаниями, которые они могут применять при производстве следственных действий. Основное отличие экспертизы от других следственных действий по этому признаку заключается в следующем. Использование специальных познаний в рамках следственных действий (осмотра, эксперимента и др.) допустимо лишь при наличии двух условий. Во-первых, результатом такого исследования является не вывод на основе специальных познаний, а наглядно воспринимаемый факт (например невидимый след, выявленный с помощью химических, оптических или иных средств); во-вторых, установленный факт должен иметь общедоступный характер, выступать как очевидный результат проведенного исследования для всех участников следственного действия, не обладающих специальными познаниями (в том числе и для понятых). Поэтому даже при выявлении наглядно воспринимаемого факта, когда для этого требуется сложное лабораторное исследование, подчас многоступенчатое, должна быть проведена экспертиза⁹.

Таким образом, в содержание специальных познаний, необходимых при производстве экспертизы, входят знания в любой сфере деятельности, которыми обладает ограниченный круг лиц, имеющих профессиональную подготовку и навыки, кроме правовых и криминалистических знаний, применяемых при производстве следственных действий.

⁹ «Нельзя требовать от понятых, чтобы они засвидетельствовали, например, такой факт: «на документе, найденном при осмотре, имеется тайнопись следующего содержания...», если появление видимого текста на листке бумаги произошло в их отсутствие либо достигнуто такими средствами, сущность которых недоступна для них даже в самых общих чертах» (Эйсмэн А. А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения вещественных доказательств, с. 44—45).

В литературе разграничиваются фактические основания производства экспертизы, каковыми признается потребность в специальных познаниях, и юридические¹⁰.

Юридическим основанием проведения экспертизы является постановление или определение соответствующего лица или органа о назначении экспертизы. Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении № 1 от 16 марта 1971 г. (п. 8) указал на недопустимость замены определения о назначении экспертизы другими документами, не предусмотренными законом (сопроводительным письмом, списком вопросов эксперту и т.п.). Отсутствие постановления (определения) о назначении экспертизы либо его вынесение с существенными нарушениями закона (без необходимых реквизитов, не уполномоченным на то лицом и т.п.) освобождает эксперта от обязанности проведения экспертизы, поскольку для этого не имеется юридического основания. В экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР в таких случаях руководитель учреждения немедленно сообщает об этом лицу или органу, назначившему экспертизу. Если последний не принимает мер к устранению названных недостатков, материалы по истечении месяца возвращаются ему без исследования¹¹.

Для экспертов — сотрудников судебно-экспертных учреждений дополнительным основанием проведения экспертизы является поручение (письменное распоряжение) руководителя экспертного учреждения (его структурного подразделения), которое передается эксперту вместе с постановлением (определением) о назначении экспертизы и всеми поступившими на экспертизу материалами.

* * *

Является ли потребность в специальных познаниях обязательным, безусловным фактическим основанием производства экспертизы? За исключением особо оговоренных в законе случаев (ст. 79 УПК РСФСР), вопрос о назначении экспертизы решается каждый раз индивидуально, с учетом конкретных обстоятельств дела. Потребность в специальных познаниях не влечет за собой, таким образом, автоматического назначения экспертизы.

Нередко один и тот же факт, имеющий значение для дела, может быть установлен как экспертным путем, так и другими процессуальными средствами. Например, в одних случаях для доказательства факта пребывания подозреваемого на месте преступления достаточно показаний свидетелей, а в других для этого может потребоваться экспертное исследование различных объектов (отпечатков пальцев, следов обуви, предметов, оставленных на месте

¹⁰ Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II, с. 8.

¹¹ Положение об организации производства судебных экспертиз в экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР. Утверждено министром юстиции СССР 6 декабря 1972 г., п. 14. — М., 1972.

происшествия, и т.п.). Поэтому, если есть возможность бесспорного установления каких-либо фактов другими следственными действиями, экспертиза обычно не назначается. Например, нет никакой необходимости проводить по делу о хулиганстве трасологическую экспертизу для разрешения вопроса о том, повреждены ли вещи данным топором, если это установлено показаниями многочисленных свидетелей. В этом и других подобных случаях производство экспертизы является неоправданным излишеством, ведущим к затягиванию сроков следствия и удорожанию судопроизводства¹².

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что необоснованное назначение экспертизы менее опасно, чем неназначение экспертизы при наличии к тому оснований. Поэтому, даже если какой-либо факт твердо установлен другими собранными по делу доказательствами, это не всегда освобождает следователя и суд от необходимости его подтверждения экспертизой. При решении вопроса о назначении экспертизы нужно учитывать не только ее значимость в данный момент, но и возможность возникновения по каким-либо причинам потребности в производстве экспертизы в последующем (например ввиду изменений показаний обвиняемого или свидетелей), тем более, что сделать это не всегда оказывается возможным (вследствие утраты или изменения объекта и т.п.). Кроме того, любая система доказательств по делу должна обладать определенной «избыточностью», некоторые наиболее значимые факты, даже если они достоверно установлены, должны быть тем не менее по возможности подтверждены доказательствами других видов. Поэтому нельзя согласиться, например, с утверждением, что если факт убийства потерпевшего из определенного ружья достоверно установлен показаниями свидетелей и обвиняемого, то нет необходимости в проведении баллистической экспертизы для разрешения вопроса о том, из какого оружия произведен выстрел. Представляется, здесь действует требование той «избыточности» доказательственной информации, которая необходима при установлении некоторых обстоятельств, особенно по наиболее важным и сложным делам. Косвенным подтверждением этого положения может служить, в частности, приведенный в законе перечень случаев обязательного проведения экспертизы. Так, согласно закону, для определения причины смерти производство экспертизы обязательно, даже если причина очевидно и достоверно установлена другими материалами дела (например доказано, что потерпевшему отрубили голову)¹³.

¹² Практика необоснованного назначения экспертиз была осуждена, в частности, заместителем Генерального прокурора СССР С. И. Гусевым (Гусев С. И. Задачи совершенствования следственного аппарата органов прокуратуры. — Социалистическая законность, 1978, № 12, с. 6).

¹³ В связи с этим нельзя согласиться с рекомендацией о том, что экспертиза должна назначаться только в случаях, когда выявление имеющих значение для дела обстоятельств невозможно путем проведения других следственных дейст-

Таким образом, возможность установления определенных обстоятельств другими, помимо экспертизы, процессуальными средствами не всегда освобождает следователя и суд от решения вопроса о назначении экспертизы. Этот вопрос должен решаться ими, исходя из конкретной ситуации по делу и предписаний закона.

§ 2. Предмет и объекты экспертизы

Понятия предмета и объекта экспертизы являются основополагающими в теории судебной экспертизы. В последние годы о содержании этих понятий идет оживленная дискуссия с участием ряда видных ученых. По всей вероятности, это вызвано интенсивным процессом возникновения новых и дробления, дифференциации старых (традиционных) видов экспертиз. В связи с этим четкая теоретическая формулировка понятий предмета и объекта экспертизы приобретает особую актуальность, в частности для определения предметов отдельных видов экспертиз, их разграничения, определения компетенции экспертов различных специальностей, для организации подготовки экспертных кадров и т. д. Таким образом, проблема эта представляет не только теоретический интерес, она имеет и непосредственно практическое значение.

Несмотря на дискуссионность вопроса, понятие предмета экспертизы определяется многими учеными примерно одинаково. Большинство их считают, что предметом экспертизы являются факты, обстоятельства (фактические данные), устанавливаемые посредством экспертизы¹⁴. Например, в предмет судебно-почерковедческой экспертизы входит установление тождества исполнителя рукописного документа и обстоятельств его исполнения (физическое состояние писавшего, его положение при письме и т. п.). Предмет судебно-бухгалтерской экспертизы образуют операции бухгалтерского учета и иные явления, связанные с хозяйственной деятельностью и отраженные в данных бухгалтерского учета¹⁵. Встречающиеся иногда несколько иные формулировки предмета — как круга решаемых экспертизой вопросов (задач) сути дела не меняют, так как авторы вкладывают в них примерно такой же смысл¹⁶.

вий (Притузова В. А. Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном процессе. — М., 1959, с. 33). Эта крайняя точка зрения подвергается обоснованной критике в юридической литературе (Бородин С. В., Палиашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. — М., 1963, с. 32).

¹⁴ Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение, с. 7; Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II, с. 42.

¹⁵ Арзуманян Т. М., Танасевич В. Г. Бухгалтерская экспертиза при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. — М.: Юридическая литература, 1975, с. 6—7. Здесь и далее мы приводим примеры предметов отдельных видов экспертиз исключительно для иллюстрации и в самых общих чертах, не касаясь спорных вопросов о границах этих предметов.

¹⁶ Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, с. 98.

Такое понимание предмета экспертизы представляется правильным. Оно соответствует смыслу закона (ст.ст. 82, 288 УПК РСФСР) и вполне оправданно теоретически — хорошо согласуется с понятием предмета доказывания и находится с ним в таком же соотношении, как экспертиза с процессом доказывания, то есть как часть с целым¹⁷.

С возражениями против термина «фактические данные» в определении предмета экспертизы выступает Н. А. Селиванов, который считает, что предметом экспертизы может быть только «факт, который реально произошел (мог произойти) в прошлом, существует (мог существовать) в настоящем, а также закономерности, связи и отношения, обуславливающие данный факт». Фактические же данные (сведения о фактах) образуют, по его мнению, не предмет, а результат экспертизы¹⁸.

Представляется, что основания для противопоставления указанных терминов нет. В ходе экспертизы устанавливаются определенные обстоятельства, факты действительности (но не закономерности, о чем будет сказано ниже). Однако для последующих субъектов — следователя, суда они выступают уже в качестве сведений о фактах (фактических данных), поскольку эксперт, как известно, не является конечным субъектом доказывания, и признавать какие-либо факты установленными могут только следствие и суд. Поэтому эти понятия в данном случае не являются антагонистами, они отражают различные аспекты одного и того же — в рамках экспертизы, для эксперта это будут факты, обстоятельства, в рамках процесса доказывания в целом, для других субъектов — сведения, фактические данные.

В литературе различаются понятия предмета конкретной экспертизы и родового (видового) предмета¹⁹. Это разграничение имеет важное значение. Родовой (видовой) предмет определяет компетенцию эксперта данной специальности, возможности данного вида экспертизы. Конкретный предмет — это круг вопросов, решаемых данной, конкретной экспертизой. Он не может выходить за рамки родового объекта. Конкретный предмет имеет значение для выбора эксперта, определения его полномочий в данной экспертизе. Например, исследовать материалы дела, задавать вопросы допрашиваемым и т. п. эксперт может лишь в случаях, когда это имеет отношение к предмету проводимой им экспертизы. Именно в этом смысле говорится о предмете экспертизы в ст.ст. 82, 288 УПК РСФСР.

¹⁷ Эту точку зрения разделяет С. Р. Белкин (Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. II. Частные криминалистические теории. — М.: Академия МВД СССР, 1978, с. 258).

¹⁸ Селиванов Н. А. Спорные вопросы судебной экспертизы. — Социалистическая законность, 1978, № 5, с. 63.

¹⁹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. II, с. 258—259.

Необходимо отметить, что предмет экспертизы при всей его важности не может служить единственным и достаточным критерием разграничения отдельных видов экспертиз и определения компетенции эксперта. В качестве такого критерия может выступать лишь совокупность трех элементов — предмета, объекта и методов (методик) экспертного исследования²⁰. Например, предмет некоторых криминалистических экспертиз (трасологической, баллистической) может совпадать с предметом судебно-медицинской экспертизы (при установлении механизма выстрела или нанесения телесных повреждений). Однако объекты этих экспертиз различны. Судебно-медицинской экспертизой исследуются повреждения на теле человека, криминалистической — на одежде. Различаются соответственно и методы этих экспертиз.

Объектом экспертизы являются те источники сведений об устанавливаемых фактах, те носители информации, которые подвергаются экспертному исследованию и посредством которых эксперт познает обстоятельства, входящие в предмет экспертизы. Таким образом, если факты, образующие предмет экспертизы, являются целью и результатом исследования, то свойства объекта являются средством познания этих фактов.

Понятие объекта как источника фактических данных, носителя информации о фактах, составляющих предмет экспертизы, является наиболее распространенным в юридической литературе²¹.

Спорным является вопрос, относятся ли к объектам только материальные предметы, фрагменты вещной обстановки, либо в их число могут быть включены также события, факты и другие идеальные объекты. Одни авторы определяют объект экспертизы как вещи или факты²², другие решительно против этого возражают и включают в это понятие только объекты материального характера (люди, животные, вещи, документы)²³.

В принципе экспертному исследованию могут подвергаться не только конкретные предметы, но и различные процессы (события, явления, действия), на основании изучения которых эксперт познает другие факты, являющиеся предметом экспертизы. Так, изучение процесса распространения огня (его скорости, локализации и др.) позволяет эксперту сделать вывод о причине пожара. Поэтому в гносеологическом смысле в качестве объекта познавательной деятельности эксперта может выступать любой факт. Тем не менее представляется целесообразным более узкое понимание объекта экспертизы, а именно лишь как конкретных предметов,

²⁰ Это обстоятельство совершенно справедливо подчеркивает постоянно в своих работах А. Р. Шляхов (Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение, с. 7 и след.).

²¹ Там же, с. 8—9; Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе, Ч. II, с. 45; Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, с. 4.

²² Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе.

²³ Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II, с. 45.

вещей, подвергающихся экспертному исследованию. Причем такое понимание объекта более оправданно не только потому, что в противном случае возможно смешение объекта и предмета экспертизы (это соображение является основным аргументом сторонников данной точки зрения²⁴). Дело в том, что применительно к экспертному исследованию в отличие от других видов познавательной деятельности объект исследования является понятием не только гносеологическим, но и правовым, представляет собой единство гносеологического и правового аспектов. Правовой же режим может быть распространен лишь на реально существующие объекты. Объекты нематериального характера (факты, события прошлого) не имеют какого-либо процессуального статуса, и в отношении их не может быть установлен какой-либо процессуальный режим. В связи с этим представляется более правильным понимать под объектами экспертного исследования только материальные предметы, поскольку это позволяет наиболее полно учитывать правовую специфику судебной экспертизы.

Р. С. Белкин, возражая против приведенной трактовки объекта экспертизы, указывает, что объекты нематериального характера тоже могут рассматриваться в правовом аспекте, «стоит лишь вспомнить, что весь процесс доказывания направлен на событие прошлого — преступление»²⁵.

На наш взгляд, автор допускает здесь смешение двух понятий — правового аспекта и правового режима²⁶. Любое событие прошлого может получать какую-то правовую оценку, исследоваться в определенной процессуальной форме и т. п. Однако, как отмечалось выше, правовой режим может быть распространен только на реально существующие, материальные объекты. Только они могут быть как-то процессуально оформлены, предоставлены в распоряжение эксперта, только в отношении таких объектов эксперт может располагать какими-то полномочиями (например правом на уничтожение объекта в ходе его исследования) и т. п. Даже в тех случаях, когда эксперт изучает какой-либо процесс, непосредственному исследованию обычно подвергаются также конкретные предметы, претерпевшие при этом те или иные изменения либо находившиеся в той среде, где происходил изучаемый процесс. Так, при изучении автомобильного происшествия экспертом исследуются транспортные средства, состояние дороги и другие элементы дорожной обстановки, то есть материальные объекты.

С критикой приведенной трактовки объекта экспертизы выступает Н. А. Селиванов. По его мнению, «если под правовым объектом исследования понимать объект, изучаемый в рамках процеду-

²⁴ Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II, с. 45.

²⁵ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. II, с. 266.

²⁶ На это справедливо указывает В. Д. Арсеньев (Арсеньев В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы (по уголовным делам). — Проблемы теории судебной экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1980, № 44, с. 8—9).

ры, регламентированной нормами права, правовым следует называть и такой объект познания, как процесс, событие, явление, изучаемые с соблюдением юридических правил экспертизы. Отнесение же к числу правовых объектов лишь предметов, наделенных статусом вещественных доказательств, означает искусственное, произвольное и, следовательно, ненаучное сужение круга объектов познания при производстве судебных экспертиз. Нередко при проведении судебно-технологической экспертизы непосредственным объектом исследования является процесс производства на определенной технологической линии. Ведь здесь изучается не совокупность статичного промышленного оборудования, а механизмы в их динамике, т. е. процесс их эксплуатации. В заключение автор категорически резюмирует: «Попытка представить изучаемый экспертом процесс в виде механической суммы предметов (Ю. Орлов) не выдерживает серьезной критики»²⁷.

На наш взгляд, с этой аргументацией Н. А. Селиванова нельзя согласиться. Разумеется, изучаемый экспертом процесс не сводим к механической сумме предметов, тут с автором спорить не приходится. Но речь-то идет не о процессе, а об объекте. Какой бы процесс не изучался экспертом, в его распоряжение предоставляются совершенно определенные материальные предметы, будь то технологическое оборудование или документы, в которых зафиксированы какие-то факты. Именно с этими объектами имеет дело в первую очередь эксперт, только в отношении их он наделен какими-то полномочиями. Какие он будет совершать с ними действия — это уже совершенно другая сторона вопроса. Эксперт может исследовать «процесс производства на определенной технологической линии» либо соответствие этого оборудования нормативам ГОСТа, может изучать его в статике или динамике. Но все это касается скорее предмета, а не объекта экспертизы. Объекты остаются теми же самыми при любых целях и методах исследования (напомним еще раз, что критерием разграничения различных видов экспертиз является единство трех элементов — предмета, объекта и методов). В этой аргументации ставится знак равенства между объектом экспертного познания и объектом экспертизы, хотя первое является понятием прежде всего гносеологическим, а второе — правовым, и априори включаются в понятие объекта экспертизы исследуемые экспертом процессы.

Однако отнесение таких процессов к объекту экспертизы неизбежно влечет за собой смешение его с целями экспертизы, а следовательно, с ее предметом и в какой-то мере — даже с методами и, как уже говорилось выше, означает игнорирование правовой специфики объекта экспертизы — наличия у него определенного процессуального режима, который никак не может быть распространен на идеальные объекты.

²⁷ Селиванов Н. А. Спорные вопросы судебной экспертизы, с. 63.

Своеобразную трактовку объекта и предмета экспертизы предлагает В. Д. Арсеньев. Он исходит из принятых в философии и науковедении понятий объекта и предмета познания. Поскольку в указанных науках термин «объект» применяется в значении объективной реальности, существующей независимо от субъекта (то есть в противопоставлении объекта субъекту), автор находит, что в качестве «основного объекта экспертизы выступают те реально существующие (или существовавшие в прошлом) явления, на установление которых объективно направлена экспертиза (обстоятельства смерти, исполнение текста определенным лицом и т. п.)», то есть то, что до сих пор было принято именовать предметом²⁸. Предметом же экспертизы, опять-таки по аналогии с предметом научного познания как части объективной реальности, определенных ее свойств, сторон и отношений, он предлагает считать «стороны, свойства и отношения ее объекта (основного и вспомогательного), которые исследуются и познаются средствами (методами, методиками) данной отрасли экспертизы с целью разрешения вопросов, имеющих значение для дела и входящих в сферу соответствующей отрасли знания»²⁹. Понятие предмета синтезирует, по его мнению, три понятия — объекта (в широком и узком смысле), экспертных задач (целей) и методов (методик)³⁰. Аналогичным образом автор предлагает сформулировать и понятие предмета доказывания.

Мы не будем рассматривать здесь предложенные им трактовки объекта и предмета науки судебной экспертизы, науки уголовного процесса, а также уголовного процесса как деятельности и отдельных следственных действий и соотношение всех этих понятий с объектом и предметом экспертного исследования — это не входит в нашу задачу. Что же касается предложенных В. Д. Арсеньевым трактовок объекта и предмета судебной экспертизы, то они вызывают возражения по следующим основаниям.

Во-первых, прямой перенос науковедческих понятий в сферу судебно-экспертной деятельности неоправдан хотя бы потому, что последняя принципиально отличается от научного познания. Любая наука (в том числе и судебная экспертиза как наука) изучает какие-то объективные закономерности. В ходе экспертного исследования познаются конкретные факты прошлого и настоящего. Никаких закономерностей здесь не устанавливается (хотя общие научные положения, как составная часть специальных познаний эксперта, фигурируют в экспертном заключении при обосновании вывода в качестве большой посылки)³¹. Поэтому прямая аналогия

²⁸ Арсеньев В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы (по уголовным делам), с. 8. Автор выделяет все-таки материальные носители информации об этих явлениях в качестве непосредственных (вспомогательных) объектов, как составную часть основного объекта.

²⁹ Там же, с. 9—10.

³⁰ Там же, с. 4—5.

³¹ Поэтому, как уже отмечалось, не прав Н. А. Селиванов, включающий в предмет экспертизы наряду с фактами и закономерности, их обуславливаю-

между судебно-экспертным исследованием и научно-исследовательской деятельностью недопустима. Даже если методика исследования создается экспертом по ходу производства конкретной экспертизы (так бывает, когда экспертом исследуется какой-либо уникальный или неизвестный ранее объект, например новейшие красители, искусственные ткани, медицинские препараты и т. п.), эти виды деятельности необходимо совершенно четко разграничивать, ибо экспертное исследование может осуществляться только в надлежащей процессуальной форме, научное же познание находится за рамками уголовного процесса. Например, образцы для сравнительного исследования должны быть предоставлены в распоряжение эксперта лицом или органом, назначившим экспертизу, их следует соответствующим образом процессуально оформить и т. п. Образцы же для научного исследования (образцы новейшей продукции какого-либо предприятия и т. п.) могут быть получены самим экспертом и ни в каком процессуальном оформлении не нуждаются. Все научные эксперименты эксперта регистрируются по правилам научных процедур, а не по уголовно-процессуальным правилам. В связи с такими принципиальными различиями указанных видов деятельности в каждой из них выработан свой понятийный аппарат.

Во-вторых, несовпадение отдельных терминов в различных сферах деятельности — вообще явление обычное и в какой-то мере даже неизбежное. Достаточно вспомнить, например, что в логике под доказательством понимается процесс получения вывода, т. е. то, что в теории доказательств именуется доказыванием, или различные трактовки понятия идентификации в логике, кибернетике и других науках, не совпадающие с понятием криминалистической идентификации. Поэтому следует учитывать исторически сложившееся известное терминологическое несоответствие в различных науках и осторожно подходить к коренной ломке сложившегося понятийного аппарата, даже если к этому есть основания по существу (чего мы в данном случае не видим), поскольку такая ломка не оправдывает тех издержек, которые она за собой повлечет.

И, наконец, в-третьих, надо учитывать, что определенная терминология не только исторически сложилась в теории судебной экспертизы (споры, как видно из вышеизложенного, ведутся в основном не о сущности, а об отдельных аспектах рассматриваемых понятий, их объеме), но и закреплена законодательно. Общеизвестный термин «предмет доказывания» понимается всеми как круг обстоятельств, подлежащих установлению, которые перечислены в законе. Термин «предмет экспертизы» так же, как указывалось, фигурирует в законе, причем логически он вполне увязан с понятием предмета доказывания как часть с целым. Определенное законодательное и инструктивное закрепление понятие (Селиванов Н. А. Спорные вопросы судебной экспертизы, с. 63). Это такая же неоправданная экстраполяция категорий научного познания на экспертную деятельность.

лучил и термин «объект экспертизы». Так, в ст. 196 УПК УССР говорится, что в постановлении о назначении экспертизы необходимо указать также объекты, которые должны быть исследованы экспертом. Совершенно очевидно, что речь здесь идет о конкретных материальных предметах, предоставляемых в распоряжение эксперта, а не вообще об объективной реальности. Именно в этом смысле говорится об объектах и в различных положениях и инструкциях, регулирующих организацию производства экспертиз в экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР³². И недаром В. Д. Арсеньев неизбежно приходит к выводу о необходимости пересмотра понятия предмета доказывания как противоречащего его собственной концепции. В конечном же счете он возвращается к тому же «триединому» критерию разграничения экспертиз, включающему в себя задачи (то есть предмет в общепринятом понимании), объекты (в узком смысле) и методы экспертизы, только объединяет их все единым названием «предмет экспертизы».

Таким образом, объект (объекты) экспертизы можно определить как предметы материального мира, подлежащие экспертному исследованию с целью установления фактов, входящих в предмет экспертизы.

Рассмотрим теперь некоторые вопросы классификации объектов экспертизы.

Помимо общего понятия объекта как материального носителя информации различают также понятия родового (видового) и конкретного объектов³³.

Под родовым (видовым) объектом понимается какой-либо класс, категория предметов, обладающих общими признаками. Родовой объект играет существенную роль при разграничении отдельных видов экспертиз. Так, объектом судебно-баллистической экспертизы является огнестрельное оружие, боеприпасы к нему и предметы со следами выстрела; объектом дактилоскопической экспертизы — предметы со следами пальцев или ладоней и т. п. Дробление существующих и создание новых видов экспертиз нередко происходит по признаку родового объекта. Примером может служить разделение традиционной криминалистической экспертизы на ряд самостоятельных видов — баллистическую, трасологическую, техническую экспертизу документов и др., каждая из которых имеет свой родовый объект.

³² Например, в Положении об организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР говорится, что на экспертизу должны быть представлены:

— постановление (определение) о производстве экспертизы;
— предметы и документы, являющиеся объектами экспертного исследования (п. 10).

³³ Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II, с. 45.

Под конкретным объектом понимается определенный предмет, исследуемый в процессе данной экспертизы. Любой конкретный объект индивидуален и неповторим, он определяет специфику данного экспертного исследования.

Помимо приведенной классификации объектов, принятой в юридической литературе, представляется целесообразным выделить еще и непосредственный объект. Непосредственный объект — это совокупность однородных свойств предмета, которые подвергаются экспертному исследованию. Как известно, любой материальный предмет обладает неисчерпаемым числом свойств и в принципе может исследоваться бесконечно. Поэтому одного понятия родового объекта недостаточно. Один и тот же предмет может быть объектом различных видов экспертиз. Например, одежда может выступать как объект товароведческой экспертизы, экспертизы материалов, веществ и изделий, а при наличии на ней каких-нибудь следов или повреждений — также трасологической или баллистической экспертиз и т. п. Критерием разграничения видов экспертиз в таких случаях является непосредственный объект, то есть те свойства объекта, которые подвергаются исследованию (товарные свойства, технологические, химический состав, следы и повреждения и т. п.). По непосредственному объекту различаются также почерковедческая экспертиза и техническая экспертиза документов, имеющие одинаковый родовой объект (документы) и ряд других видов экспертиз.

Объекты экспертного исследования различаются также по своей процессуальной форме. По этому признаку они могут быть разделены на следующие виды:

1) вещественные доказательства, то есть предметы, приобщенные в этом качестве к уголовному делу. Вещественные доказательства являются объектами многих видов экспертиз (баллистической, трасологической, товароведческой и др.);

2) документы как особый вид доказательств. Они являются объектом судебно-бухгалтерской, строительной и некоторых других видов экспертиз;

3) живые лица. Они выступают в качестве объектов судебно-медицинской, судебно-психиатрической, судебно-психологической экспертиз. Процессуальное положение таких лиц может быть различным (обвиняемый, потерпевший и др.);

4) объекты, не имеющие определенного процессуального статуса. К ним относятся трупы, а также иные объекты, не закрепленные процессуально в деле в качестве доказательств (например место происшествия). В гносеологическом плане такого рода объекты выполняют такую же роль, как и вещественные доказательства. Однако в этом качестве они в деле не фигурируют либо по соображениям морально-этического порядка (трупы), либо ввиду фактической невозможности распространить на них процессуальный режим вещественных доказательств (участки местности, здания, сооружения и т. п.). Однако это не означает, что такие объ-

екты вообще не имеют никакой процессуальной формы. Они должны быть официально предоставлены в распоряжение эксперта (например указаны в качестве объектов, подлежащих исследованию, в постановлении о назначении экспертизы), в отношении их может быть установлен какой-то процессуальный режим (приостановлен на время экспертизы производственный процесс, закрыт доступ посторонним лицам и т. п.).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о процессуальной природе образцов для сравнительного исследования. На наш взгляд, они являются разновидностью производных вещественных доказательств. Производными вещественными доказательствами являются предметы, которые отображают свойства вещественного доказательства-оригинала и используются в процессе исследования вместо последнего как его материальная модель. Они могут быть трех видов:

1) копии вещественного доказательства, то есть предметы, полученные путем копирования вещественного доказательства-оригинала (слепки, оттиски);

2) предметы-аналоги (заменители вещественных доказательств), обладающие общими с вещественными доказательствами родовыми признаками и используемые вместо оригинала, когда последний не обнаружен либо не может быть использован по другим причинам (например, вместо обнаруженного ножа — орудия убийства исследуется другой нож такого же типа);

3) образцы для сравнительного исследования³⁴.

Образцы для сравнительного исследования, как и иные производные вещественные доказательства, используются в экспертном исследовании, когда непосредственное исследование свойств вещественного доказательства-оригинала невозможно или нецелесообразно. Исследование в этом случае проводится путем сравнения не с самим идентифицируемым объектом, а с полученными от него образцами. Например, при идентификации огнестрельного оружия по пулям и гильзам исследуется не непосредственно особенности канала ствола, а отстреливаются экспериментальные пули или гильзы, которые и отражают эти особенности; при идентификации пишущей машинки с исследуемым текстом сравниваются не непосредственно признаки шрифта машинки, а полученные на ней экспериментальные образцы. Таким образом, образцы также выступают в качестве материальной модели вещественного доказательства-оригинала, отражающей какие-то его свойства. Однако в отличие от копий вещественного доказательства образцы возникают в результате копирования не самого вещественного доказательства-оригинала, а процесса его формирования, механизма возникновения вещественного доказательства (экспериментальный от-

³⁴ К производным вещественным доказательствам относят образцы для сравнительного исследования (наряду с копиями вещественных доказательств) Т. В. Варфоломеева (Варфоломеева Т. В. Производные вещественные доказательства. — М.: Юридическая литература, 1980, с. 6).

стрел пуль или гильз, получение экспериментальных образцов текста пишущей машинки и т. п.).

Характер события, в результате которого возникают образцы и которое копирует механизм формирования вещественного доказательства-оригинала, может быть различным. По этому признаку образцы могут быть трех видов:

1) экспериментальные образцы, когда такое событие воспроизводится искусственно (например экспериментально отстрелянные образцы пуль или гильз);

2) свободные образцы, которые возникают стихийно, вне связи с расследуемым событием (например свободные образцы почерка);

3) естественные образцы, образующиеся как продукт физиологической деятельности организма (образцы крови, волос и т. п.).

По процессуальному способу и субъекту получения образцы могут быть следственными (судебно-следственными) и экспертными. Следственные (судебно-следственные) образцы получают следователем (судом) в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом (ст. 186 УПК РСФСР). Экспертные образцы изготавливаются экспертом в ходе исследования. Эксперт вправе применять любые методы исследования в отношении объектов, предоставленных в его распоряжение, в том числе изготавливать копии вещественных доказательств и получать образцы для сравнительного исследования³⁵. Получение экспертных образцов в отличие от получения следственных образцов не нуждается в каком-либо отдельном процессуальном оформлении. Весь ход экспертно-исследования фиксируется в едином документе — заключении эксперта, в нем же отражается факт получения экспертом образцов и результаты их исследования.

§ 3. Соотношение судебной экспертизы с другими формами использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве

В уголовном судопроизводстве возможны и иные, помимо судебной экспертизы, формы использования специальных познаний. К ним можно отнести ревизию, ведомственную (несудебную) экс-

³⁵ Исключения составляют случаи, когда исследование сопряжено с порчей или уничтожением объекта. На проведение такого рода исследования экспертом должно быть получено специальное разрешение лица или органа, назначившего экспертизу. Кроме того, эксперт не вправе получать образцы от живых лиц, поскольку такие действия непосредственно затрагивают права личности (в частности, могут быть связаны с применением принудительных мер). Поэтому такие образцы могут быть получены только в рамках следственных действий, с соблюдением всех установленных законом гарантий, с участием в необходимых случаях соответствующего специалиста.

* К формам использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве относится также деятельность педагога и переводчика. Однако отграничение этих форм от экспертизы сложности не представляет, и поэтому они здесь не рассматриваются.

пертизу, ведомственное обследование, справочную деятельность и участие специалистов в производстве следственных действий. Рассмотрим эти формы использования специальных познаний, их соотношение и разграничение с экспертизой*.

Ревизия проводится для проверки финансово-хозяйственной деятельности предприятий, учреждений, организаций, правильности постановки бухгалтерского учета и материального учета складского хозяйства. Основное отличие ее от экспертизы (судебно-бухгалтерской, строительно-технической и др.) заключается в ее процессуальной форме.

Ревизия не является следственным действием. Обычно требования следователя о производстве ревизии (ст. 70 УПК РСФСР) рассматривается как разновидность истребования доказательств³⁶. Она может проводиться и до возбуждения уголовного дела. Акт ревизии в отличие от заключения эксперта, является не самостоятельным видом доказательств, а разновидностью иных документов. Различно и процессуальное положение ревизора и эксперта. Ревизор не предупреждается об уголовной ответственности за отказ от производства ревизии и за дачу заведомо ложных выводов и вообще он не является процессуальной фигурой, имеющей какие-то процессуальные права и обязанности. В случае необходимости он допрашивается в качестве свидетеля. Ревизор в отличие от эксперта вправе самостоятельно изымать необходимые документы, беседовать с лицами, деятельность которых проверяется. Эксперт может использовать только те материалы, которые предоставлены ему следователем (судом). Какие-либо контакты его с проходящими по делу лицами возможны только с разрешения следователя и в порядке, установленном законом (п. 3 ст. 82, п. 4 ст. 85 УПК РСФСР). В ходе судебной экспертизы помимо документов бухгалтерского и хозяйственного учета могут использоваться также различные материалы дела (протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, заключения других экспертиз и проч.). Различается соответственно и методика проведения ревизии и судебной экспертизы (например, при ревизии может применяться метод инвентаризации, эксперты инвентаризацию не проводят).

Судебная экспертиза назначается, как правило, в случаях, когда требуется более квалифицированное и глубокое исследование финансово-хозяйственной деятельности предприятий, учреждений, организаций. Нередко она проводится после ревизии, если последняя проведена неполно, некачественно или ее результаты вызывают сомнения по другим причинам, а также в случаях, когда требуется более углубленное исследование каких-то обстоятельств дела, в том числе с учетом собранных по делу доказательств³⁷.

³⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Юридическая литература, 1973, с. 373.

³⁷ Подробнее о понятии ревизии и ее отличии от судебно-бухгалтерской экспертизы см.: Ромашов А. Р. Судебно-бухгалтерская экспертиза. — М.: Юридическая литература, 1981, с. 105 и след.; Использование специальных познаний при расследовании преступлений. — Свердловск: УрГУ, 1978, с. 27 и след.

Ведомственная (несудебная) экспертиза в отличие от судебной назначается не в связи с производством по делу и осуществляется не в процессуальной форме. Обычно ведомственная экспертиза проводится для нужд соответствующего ведомства, а не для целей правосудия. Заключение ведомственной экспертизы может служить лишь основанием для направления материалов в судебно-следственные органы. В тех случаях, когда материалы ведомственной экспертизы фигурируют в уголовном деле, они выступают в качестве иных (непроцессуальных) документов.

В ходе предварительного расследования или судебного рассмотрения дела замена судебной экспертизы ведомственной недопустима. Если возникает необходимость решения вопросов, требующих специальных познаний, следователем или судом может быть назначена только судебная экспертиза, осуществляемая с соблюдением всех процессуальных норм и гарантирующая обеспечение прав и интересов всех участвующих в деле лиц.

Иначе решается этот вопрос в тех случаях, когда ведомственная экспертиза была проведена не в связи с расследуемым делом и материалы ее уже фигурируют в деле (например, они были направлены в органы расследования вместе с другими материалами дела, послужившими основанием к возбуждению уголовного дела). В подобной ситуации назначение судебной экспертизы для разрешения тех же самых вопросов нецелесообразно.

Если ведомственная экспертиза проведена достаточно компетентным экспертом, при этом были разрешены все интересующие следствие и суд вопросы и не возникло никаких препятствий процессуального характера к использованию заключения в качестве доказательства (заинтересованность эксперта в исходе дела и т. п.), то параллельное проведение судебной экспертизы теряет всякий смысл. Судебная экспертиза в таких случаях может проводиться, если заключение ведомственной экспертизы неполно, вызывает сомнения по существу и т. п., то есть основания назначения судебной экспертизы совпадают здесь с основаниями назначения дополнительных и повторных экспертиз³⁸.

Следует отметить, что судебно-следственная практика идет именно по такому пути. Показателен в этом отношении порядок экспертного исследования по делам об обмане покупателей (ст. 156 УК РСФСР). Если обман выражается в превышении установленных розничных цен, то для определения сорта и цены товара требуется проведение товароведческой экспертизы. Обычно проверку соблюдения правил торговли осуществляют органы торговой инспекции, они же назначают ведомственную товароведческую экспертизу, которая проводится экспертами бюро товарных экспертиз. Если данное ими заключение подтверждает факт обмана покупателей, оно вместе с другими материалами дела направляется в

³⁸ Разумеется, судебная экспертиза в таких случаях является первичной, а не дополнительной или повторной, поскольку в качестве судебной она проводится впервые.

органы милиции, которые возбуждают по этому материалу уголовное дело и проводят расследование. В ходе расследования судебная экспертиза, как правило, не назначается, и суды в обоснование приговора ссылаются на заключение ведомственной товароведческой экспертизы.

Ведомственное обследование проводится специалистами соответствующих ведомств, причем нередко это делается параллельно с установлением тех же обстоятельств следственным путем. Так, обстоятельства пожара исследуются пожарно-техническим инспектором, происшествия на авто-, авиа- и железнодорожном транспорте — специалистами — инженерами соответствующих ведомств, по несчастным случаям на производстве проводится обследование техническими инспекторами профсоюзных органов.

Имеющиеся в деле акты (заключения) ведомственного обследования также относятся к иным (непроцессуальным) документам и должны оцениваться аналогично заключениям ведомственной экспертизы. Судебная экспертиза по вопросам, разрешенным в ходе ведомственного обследования, может назначаться, если его результаты вызывают сомнения по существу либо если обнаружится их существенная неполнота, невосполнимая путем допроса специалистов, проводивших данное обследование.

Справочная деятельность организаций, учреждений и предприятий выражается в выдаче судебно-следственным органам по их запросу или по собственной инициативе справок и иных документов, в которых удостоверяются обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе установленные с применением специальных познаний. В отличие от ведомственного обследования, акты которого тоже иногда именуется справками (вообще в вопросе о наименовании этих актов нет четкости и единства, и в различных ведомствах они называются по-разному — актами, заключениями и т. д.), справочная деятельность — это предоставление лишь таких сведений, которые соответствующей организацией уже проведены. Сюда же относится и сообщение различных общих положений какой-либо отрасли знания, вообще не требующих проведения исследований. Только при этих условиях результаты справочной деятельности могут использоваться в качестве доказательства по делу. Недопустимо истребование справок по вопросам, требующим проведения исследования в ходе производства по делу (например, когда вместо назначения судебно-химической экспертизы истребуется справка лаборатории о химическом составе вещества). В таких случаях должна назначаться судебная экспертиза.

Организация, выдавшая справку, должна быть компетентной в данных вопросах и правомочна проводить соответствующие исследования (и тем более формулировать выводы). Например, в компетенцию медицинских учреждений входит диагностика заболеваний, поэтому, если эти учреждения располагают соответствующими сведениями, а проведение судебно-медицинской экспертизы по за-

кону не обязательно, следователь (суд) может ограничиться соответствующей справкой и не назначать экспертизу. Такая практика сложилась, в частности, по делам о заражении венерической болезнью. Обычно по делам этой категории судебно-медицинская экспертиза не проводится, и в деле фигурирует справка соответствующего учреждения о наличии у лица венерического заболевания, а в необходимых случаях — иные материалы (история болезни и др.).

Разумеется, наличие соответствующей справки не исключает полностью проведения судебной экспертизы для разрешения тех же вопросов. При возникновении каких-либо сомнений в достоверности фактов, изложенных в справке, по делу должна назначаться судебная экспертиза.

Таким образом, результаты различных ведомственных (внесудебных) исследований, проводимых с применением специальных познаний, хотя и позволяют во многих случаях обойтись без назначения по тем же вопросам судебной экспертизы, не влекут за собой автоматически отказа от ее производства. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, данному в п. 2 постановления № 1 от 16 марта 1971 г., «имеющиеся в деле акты либо справки о результатах ведомственного исследования какого-либо обстоятельства, в том числе и ведомственные заключения, именуемые экспертизой (о качестве товара, недостатке товаро-материальных ценностей и т. п.), хотя бы и полученные по запросу органов следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы».

Участие специалиста в производстве следственных действий является процессуальной деятельностью, регламентированной законом. Специалистом, так же как и экспертом, может быть лицо, достаточно компетентное в определенной области и незаинтересованное в исходе дела. Различие между ними заключается в их процессуальных функциях и процессуальном положении.

Согласно ст. 133¹ УПК РСФСР специалист вызывается для участия в производстве следственного действия. В отличие от эксперта он не дает заключения и вообще не формулирует никаких выводов, имеющих доказательственное значение по делу. Вся его деятельность протекает в рамках того следственного действия, в котором он участвует. Функции его сводятся к следующему:

— дача советов и консультаций. Они могут касаться тактики проведения следственного действия, его подготовки и планирования. В ходе следственного действия специалист обращает внимание следователя на те или иные обстоятельства, имеющие, по его мнению, значение для дела, которые следователь ввиду отсутствия у него специальных познаний может не заметить. Например, специалист-медик при осмотре трупа или при освидетельствовании живых лиц может указать на какие-то анатомические особенности

исследуемого объекта, наличие на нем следов крови, спермы и т. п. Специалист может также давать советы и консультации о правильной фиксации выявленных обстоятельств в протоколе (например о правильном применении специальной терминологии). Специалист должен давать следователю пояснения по поводу выполняемых им действий (ст. 133¹ УПК РСФСР);

— техническая помощь в подготовке следственного действия (например в реконструкции обстановки происшествия при следственном эксперименте);

— поиск и обнаружение следов и доказательств (невидимых или слабовидимых следов крови, отпечатков пальцев и т. п.). При этом специалист может использовать различные научно-технические средства (например миноискатель, трупискатель и др.);

— фиксация с применением научно-технических средств хода и результатов следственного действия (изготовление слепков, оттисков, фотографирование, применение киносъемки, звукозаписи);

— изготовление письменных приложений к протоколу (планы, схемы, чертежи и проч.).

Наиболее часто в качестве специалистов к производству следственных действий привлекаются криминалисты (например для участия в осмотре места происшествия по делам об убийствах, кражах и др.), медики, специалисты по автомобильным происшествиям, по делам о пожарах. В принципе следователем (судом) может быть приглашен любой специалист в зависимости от характера и обстоятельств дела. Например, при осмотре и выемке бухгалтерской документации привлекаются специалисты по бухгалтерскому учету, которые оказывают существенную помощь в отборе относящихся к делу бухгалтерских документов. В качестве специалистов часто вызываются работники судебно-экспертных учреждений (эксперты по должности) и сотрудники ОТО МВД.

Результаты деятельности специалиста в отличие от результатов деятельности эксперта не имеют самостоятельного доказательственного значения, а выступают как составная часть протокола соответствующего следственного действия. В литературе встречаются утверждения, что деятельность специалиста вообще не имеет никакого доказательственного значения³⁹. Это неверно. Выявленные специалистом следы, изготовленные им модели (слепки, оттиски, схемы и др.), результаты использования технических средств при фиксации следственного действия (киносъемка, звукозапись) безусловно имеют доказательственное значение, причем нередко весьма существенное. Другое дело, что вся эта деятельность фиксируется в рамках соответствующего следственного действия, а не объективизируется в отдельный, самостоятельный источник, каковым является, например, заключение эксперта. Но это не означает, что рассматриваемая деятельность вообще не имеет никакого доказательственного значения, просто она выступает как

³⁹ Махов В. Отличие специалиста от эксперта. — Социалистическая законность, 1973, № 6, с. 42.

органическая часть совокупной деятельности ряда субъектов и не порождает отдельного, самостоятельного источника доказательственной информации.

Нельзя согласиться также с мнением, что специалист не проводит никаких исследований, а если и проводит, то они относятся к непроцессуальной деятельности⁴⁰. Специалист может проводить (в рамках следственного действия) не только элементарные исследовательские действия в виде, например, визуального осмотра при поиске следов и доказательств, но и более сложные исследования, сопряженные с использованием научно-технических средств и аппаратуры, например измерение и взвешивание различных объектов, исследование в коспадающих или ультрафиолетовых лучах и др. Основное отличие таких исследований от деятельности эксперта заключается (помимо процессуальной формы) в следующем. Результатом исследовательских действий специалиста могут быть только наглядно воспринимаемые факты, имеющие общедоступный характер и понятные всем участникам следственного действия, в том числе и понятным, которые должны засвидетельствовать эти факты. Таким образом, это отличие состоит в том же, в чем заключается отличие экспертизы от использования специальных познаний в рамках следственных действий, о чем уже говорилось выше (см. § 1 настоящей главы).

В связи с этим можно отметить еще один момент, отличающий деятельность специалиста от экспертизы. Все действия, которые осуществляет специалист, в принципе может выполнить следователь, если он обладает соответствующими знаниями и навыками (за исключением, разумеется, случаев, когда участие специалиста обязательно по закону)⁴¹. Если функции следователя и эксперта несовместимы и экспертиза должна быть назначена независимо от того, обладает ли следователь соответствующими специальными познаниями, то к участию специалиста это положение не относится. Специалист не обладает процессуальной самостоятельностью, он лишь помощник следователя. Он заменяет следователя в силу не процессуальной, а научно-технической некомпетентности последнего. Поэтому там, где следователь сам достаточно компетентен, он может обойтись без специалиста.

Отсюда различное процессуальное положение эксперта и специалиста. Эксперт — это самостоятельная процессуальная фигура, обладающая процессуальной автономией. Специалист, как отмечалось выше, процессуальной самостоятельностью не наделен, вся его деятельность протекает под контролем и руководством следова-

⁴⁰ Махов В. Отличие специалиста от эксперта; он же. Участие специалистов в следственных действиях. Автореф. Дисс. ... канд. юр. наук. — М., 1972, с. 16.

⁴¹ На это правильно указывает Э. Б. Мельникова (Мельникова Э. Б. Участие специалиста в следственных действиях. — М.: Юридическая литература, 1964, с. 48).

теля, все его действия совершаются по указанию или с согласия следователя⁴².

Различаются также права и обязанности специалиста и эксперта. В частности, специалист не несет уголовной ответственности по ст.ст. 181, 182 УК РСФСР. За отказ или уклонение от выполнения обязанностей к нему могут быть применены меры общественного воздействия или наложен штраф (ст. 131¹ УПК РСФСР),

совмещение процессуальных функций эксперта и специалиста большинством УПК союзных республик запрещено (кроме УПК Украинской, Казахской, Литовской и Эстонской ССР). Согласно ст. 67 УПК РСФСР предыдущее участие эксперта в деле в качестве специалиста является основанием для его отвода (за исключением случаев участия врача — специалиста в области судебной медицины в наружном осмотре трупа).

Следует отметить, что на практике и в юридической литературе нередко встречается неправильное понимание функций и процессуального положения специалиста. Так, к его функциям нередко относят помощь в разработке версий и в планировании расследования, консультации по вопросам целесообразности назначения экспертизы, а также по объему задания эксперту и правильной формулировке ставящихся перед ним вопросов, в оценке экспертного заключения и др.⁴³.

На наш взгляд, здесь допускается смешение понятий специалиста в общепотребительном смысле слова и специалиста как процессуальной фигуры. Разумеется, следователь вправе получить любую консультацию у какого-то сведущего лица (равно как и почитать соответствующую специальную литературу или каким-то иным образом повысить свою квалификацию). Но от этого такое лицо не станет специалистом в процессуальном смысле. Закон предусматривает только одну форму деятельности специалиста — участие в следственных действиях. Дача каких-либо консультаций за рамками следственных действий — это непроцессуальная деятельность. Она осуществляется в непроцессуальной форме (например, такая консультация может быть дана по телефону), сведущее лицо не приобретает в таких случаях никаких процессуальных прав и обязанностей, не несет никакой процессуальной ответственности и, наконец, непроцессуальная консультационная деятельность не является препятствием к последующему назначению данного лица экспертом по делу.

Иногда специалисту приписывают право устанавливать причинную связь между событием преступления и обнаруженными на

⁴² В литературе справедливо критикуется проявляющаяся иногда на практике тенденция специалистов к автономии, к независимости от следователя и параллельной с ним деятельности и отмечается, что ни к чему положительному это не приводит (Величкин С. А., Турчин Д. А. Участие специалиста в производстве следственных действий. — Проблемы борьбы с преступностью. Труды Омской Высшей школы милиции. Омск — Иркутск, 1976, с. 97—98).

⁴³ Использование специальных познаний при расследовании преступлений. Учебное пособие. — Свердловск: УрГУ, 1978, с. 6.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ

§ 1. Производство экспертизы на предварительном следствии.
Допрос эксперта следователем

месте происшествия следами и другими предметами, выявлять обстоятельства и условия, способствующие совершению преступления, высказывать мнение о происхождении следов и механизме их образования, определять пригодность изъятых объектов для идентификации и т. п.⁴⁴, то есть по существу специалиста наделяют правом формулировать выводы по делу. Однако никаких выводов специалист делать не вправе. Если же такие выводы им даются, то они имеют только ориентирующее значение; они не подлежат процессуальной фиксации и не могут использоваться в качестве доказательств, так как построение на основе специальных познаний выводов, имеющих доказательственное значение, является исключительной прерогативой эксперта⁴⁵.

В связи с этим должна быть решительно осуждена практика составления специалистом справок⁴⁶. Закон не предусматривает никаких справок специалиста, и никакой необходимости в них нет. За рамками следственных действий справки по некоторым вопросам, требующим специальных познаний, могут выдаваться, но только не специалистом (то есть лицом, приглашенным для участия в деле в этом качестве), а соответствующими учреждениями, предприятиями, организациями и должностными лицами, о чем речь шла выше. В рамках же следственных действий специалист может делать заявления, подлежащие занесению в протокол, по вопросам обнаружения, закрепления и изъятия доказательств (ст. 133¹ УПК РСФСР), то есть не носящие характера выводов. Все остальные мнения, предложения и советы специалиста (например, о целесообразности или нецелесообразности назначения экспертизы) имеют только ориентирующее значение и никакой процессуальной фиксации не подлежат. Лишено всякого смысла и составление специалистом справок либо каких-то иных документов по вопросам, не имеющим доказательственного значения. Для этого вполне достаточно устной консультации. Если же таким справкам придать статус судебного доказательства, то это будет означать наделение специалиста правом делать выводы, имеющие доказательственное значение, а следовательно, смешение компетенции специалиста и эксперта, фактическое выполнение специалистом функций эксперта, только без тех процессуальных гарантий, которые установлены законом в отношении экспертизы.

⁴⁴ Палиашвили А. Процессуальное положение специалиста в уголовном процессе. — Советская юстиция, 1964, № 5, с. 15; Лопушной Е. Я. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. Автореф. Дис. ... канд. юр. наук. — Алма-Ата, 1971, с. 14.

⁴⁵ Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу Воронцова указал, в частности, что ссылка суда на мнение специалиста неосновательна, поскольку «оно не является источником доказательств, так как специалист вызывается следователем или судом для оказания содействия в обнаружении и закреплении доказательств» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 3, с. 32).

⁴⁶ В защиту такой практики и с предложением ее узаконить выступают, например, С. А. Величкин и Д. А. Турчин (Величкин С. А., Турчин Д. А. Участие специалиста в производстве следственных действий, с. 99—100).

Признав необходимым произвести по делу экспертизу, следователь выносит об этом постановление. Постановление о назначении экспертизы является, как указывалось, единственным правовым основанием ее проведения. Согласно ст. 184 УПК РСФСР в нем должны быть указаны основания назначения экспертизы, фамилия эксперта или наименование экспертного учреждения, вопросы, поставленные перед экспертом, и материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

На практике выработаны (а в экспертных учреждениях и закреплены инструктивно) более подробные реквизиты постановления о назначении экспертизы. В названии постановления указывается вид (род) экспертизы (например судебно-медицинская или судебно-бухгалтерская). Если назначена дополнительная, повторная, комиссия или комплексная экспертиза, то об этом тоже указывается в названии (иногда в тексте) постановления.

Постановление состоит из трех частей — вводной, описательной и резолютивной. В вводной части указывается место, время составления постановления, кем оно вынесено, уголовное дело, по которому назначена экспертиза. В описательной части кратко излагаются обстоятельства дела и приводятся основания назначения экспертизы (указывается, для выяснения каких фактов требуются специальные познания и их значимость для дела). По некоторым видам экспертиз в постановлении должны быть приведены исходные данные, необходимые для экспертного исследования. Например, в постановлении о назначении автотехнической экспертизы для решения вопроса о технической возможности предотвращения наезда и некоторых других вопросов в постановлении должны содержаться данные о состоянии проезжей части дороги (тип покрытия, уклон и т. п.), типе и техническом состоянии транспортных средств, скорости движения пешехода и транспортного средства, видимости и обзорности дороги с места водителя и др.⁴⁷ В резолютивной части постановления формулируется решение о назначении экспертизы, указывается, кому она поручается (фамилия эксперта или наименование экспертного учреждения) и приводятся вопросы, ставящиеся на разрешение эксперта. Вопросы должны быть сформулированы кратко, четко и недвусмысленно, в соответствии с методическими рекомендациями (обычно в каждом виде экспертиз разработаны рекомендации для следователей и судей по правиль-

⁴⁷ Типовая инструкция о производстве судебных автотехнических экспертиз в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции СССР 1974 года, п. 15. — М., 1975.

ной формулировке вопросов, ставящихся на разрешение данного вида экспертизы). Здесь же должны быть перечислены объекты и материалы дела, предоставленные в распоряжение эксперта.

После вынесения постановления о назначении экспертизы следователь должен ознакомить с ним обвиняемого (по УПК Украинской и Молдавской ССР — также подозреваемого) и разъяснить ему его права, предусмотренные ст. 185 УПК РСФСР (исключенные составляют случаи назначения судебно-психиатрических экспертиз, если психическое состояние обвиняемого делает невозможным такое ознакомление — ст. 184 УПК РСФСР). Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы составляется протокол, в котором фиксируются ходатайства и заявления обвиняемого, если таковые поступили⁴⁸. Ходатайства разрешаются в обычном порядке.

Смысл правила об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы заключается (помимо обеспечения права обвиняемого на защиту) в том, чтобы максимально гарантировать полноту экспертного исследования и достоверность его результатов. Известно, что экспертиза нередко сопряжена с проведением сложных и дорогостоящих исследований (эксплуатация дорогого оборудования и аппаратуры, расхождение материалов, затрата рабочего времени квалифицированных специалистов и т. п.). Поэтому дублирование ее вследствие некачественной подготовки (неполнота задания эксперту, недостаточность представленных ему материалов и др.) всегда нежелательно. Кроме того, повторное исследование вообще не всегда бывает возможным в результате порчи или уничтожения объекта, утраты им своих свойств и т. п. В связи с этим закон предусматривает в качестве одной из гарантий обоснованного назначения экспертизы и качественной ее подготовки активное участие обвиняемого в ее производстве, в том числе и его ознакомление с постановлением о ее назначении и возможность заявления им различных ходатайств, с тем чтобы обоснованные пожелания его были заранее учтены (ст. ст. 184, 185 УПК РСФСР).

После ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы и разрешения ходатайств в случае их поступления следователь обращает свое постановление к исполнению. Порядок такого обращения различается в зависимости от того, проводится экспертиза в экспертном учреждении или вне его. Если экспертиза проводится не в экспертном учреждении, следователь вызывает лицо, назначенное экспертом, и вручает ему постановление о назначении экспертизы, разъясняет ему его права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, и предупреждает его об уго-

⁴⁸ По УПК Грузинской (ст. 187), Азербайджанской (ст. 184) и Эстонской (ст. 157) ССР об этом делается отметка в постановлении о назначении экспертизы. По УПК Киргизской ССР протокол составляется лишь тогда, когда обвиняемый заявит какое-либо ходатайство или сделает заявления, в остальных случаях обвиняемый расписывается на постановлении (ст. 177).

ловной ответственности по ст. ст. 181, 182 УК РСФСР, о чем делается отметка в постановлении, удостоверяемая подписью эксперта. При этом следователь должен удостовериться в его специальности и компетентности и проверить, нет ли других оснований к его отводу (ст. 189 УПК РСФСР).

При производстве экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет в это учреждение свое постановление, объекты и материалы, необходимые для исследования⁴⁹. Выбор эксперта (экспертов) и поручение ему проведения экспертизы осуществляется руководителем экспертного учреждения⁵⁰. Он же разъясняет эксперту его права и обязанности и предупреждает об уголовной ответственности по ст. ст. 181, 182 УК РСФСР⁵¹.

При проведении экспертизы эксперт самостоятелен в выборе средств и методов исследования, определении его объема (например, какое необходимо произвести количество экспериментальных выстрелов). Он дает заключение по своему внутреннему убеждению и несет за него личную ответственность⁵². Однако это не означает, что его деятельность бесконтрольна. В ходе производства экспертизы он вступает в определенные взаимоотношения со следователем, а если экспертиза проводится в экспертном учреждении, то и с руководителем этого учреждения, которые обладают в отношении его определенными полномочиями.

Рассмотрим сначала взаимоотношения эксперта со следователем.

⁴⁹ В СССР существует сеть экспертных учреждений различных ведомств (Министерства здравоохранения, Министерства юстиции, МВД СССР). Подробнее о системе судебно-экспертных учреждений и их функциях см.: Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение, с. 35 и след.

⁵⁰ На практике функции руководителя экспертного учреждения обычно выполняют его заместители по научной работе и руководители структурных подразделений (лабораторий, отделов), поскольку при существующем объеме экспертной работы руководитель учреждения единолично выполнять эти функции не в состоянии. Такой порядок официально закреплен в действующих положениях и инструкциях экспертных учреждений Министерства юстиции СССР. Поэтому в дальнейшем, говоря о руководителе экспертного учреждения, мы будем иметь в виду также указанных лиц.

⁵¹ В УПК союзных республик этот вопрос решен неодинаково. По УПК Казахской (ст. 55) и Литовской (ст. 211) ССР эксперты — сотрудники экспертных учреждений считаются предупрежденными по должности, о чем указывается в заключении (акте) экспертизы. По УПК Азербайджанской (ст. 185) и Туркменской (ст. 183) ССР текст подписки об этом направляется в экспертное учреждение следователем. Этот текст подписывается экспертом и возвращается следователю вместе с заключением. По УПК Эстонской ССР (ст. 58) эксперт сам дает подписку о том, что ему известно об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за отказ от дачи заключения.

⁵² Принцип дачи экспертом заключения по своему внутреннему убеждению прямо закреплен в УПК лишь некоторых союзных республик (ст. 181 УПК Киргизской ССР, ст. 160 УПК Эстонской ССР). Однако он логически вытекает из других норм и является общепризнанным.

Советской правовой наукой давно отвергнута бытовавшая в прошлые десятилетия концепция о «руководстве» экспертом со стороны следователя⁵³.

Действительно, термин «руководство» предполагает право дачи обязательных для исполнения указаний, что не отражает действительного характера взаимоотношений эксперта со следователем. В юридической литературе в настоящее время все чаще говорится о контроле следователя за проведением экспертизы⁵⁴.

В принципе это положение не вызывает возражений, однако требует, на наш взгляд, некоторых уточнений, поскольку о контроле можно говорить по меньшей мере в двух аспектах — методическом и процессуальном.

Как известно, по УПК большинства союзных республик следователь наделен правом присутствовать при производстве экспертизы (ст. 190 УПК РСФСР). Это его право призвано гарантировать полноту и всесторонность экспертного исследования, соблюдение прав и законных интересов участников процесса. В литературе приводились многочисленные примеры положительного влияния присутствия следователя при проведении экспертных исследований, его делового контакта с экспертом на качество экспертного заключения, показывалось значение такого присутствия для предупреждения пробелов в экспертном исследовании и экспертных ошибок. Словом, целесообразность этого правила очевидна и ни у кого не вызывает сомнений⁵⁵. Однако это вовсе не означает, что следователь наделен правом методического контроля за деятельностью эксперта и может давать обязательные для эксперта указания методического характера. Такие функции в компетенцию следователя не входят. В случае разногласия между следователем и экспертом в конечном счете вопрос о методике исследования, выборе научно-технических средств, их научной обоснованности и эффективности решает не следователь, а эксперт. Поэтому правильнее говорить не о методическом, а о процессуальном контроле со стороны следователя за деятельностью эксперта.

Следователь наделен рядом процессуальных полномочий в отношении эксперта.

Эти полномочия выражаются прежде всего в выборе эксперта или экспертного учреждения, которому поручается производство экспертизы. Причем и при направлении материалов в экспертное учреждение он вправе назначить эксперта персонально из числа

⁵³ Критику этой концепции см., например, в работах: Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. — Минск, 1962. с. 207—208; Строгович М. С. Уголовный процесс. — М., 1946, с. 30.

⁵⁴ См., например, Танасевич В. Г., Арзуманян Т. М. Бухгалтерская экспертиза при расследовании и разбирательстве уголовных дел, с. 77.

⁵⁵ Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что согласно указанию Прокуратуры СССР присутствие следователя при судебно-медицинском вскрытии трупа является обязательным. В некоторых союзных республиках такая обязанность следователя закреплена в УПК (ст. 182 УПК Азербайджанской ССР, ст. 178 УПК Грузинской ССР и др.).

сотрудников этого учреждения. Такое указание является для руководителя экспертного учреждения обязательным и может быть не выполнено лишь при наличии уважительных причин (болезнь эксперта, нахождение его в командировке и т. п.). При этом о невозможности поручения экспертизы данному эксперту следователь должен быть немедленно поставлен в известность, и замена эксперта может быть произведена только с его согласия.

Следователь определяет объем задания эксперту. Этот объем является для эксперта обязательным, и он не вправе произвольно его сузить. Эксперт обязан дать ответы по существу на все поставленные вопросы либо обосновать невозможность их решения. Таким образом, если объем исследований, необходимых для решения поставленных вопросов, определяется самим экспертом, то объем задания устанавливается следователем. Эксперт может лишь расширить его, установив по собственной инициативе обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы (ст. ст. 191, 288 УПК РСФСР), но он не вправе самостоятельно исключить из задания вопросы, поставленные перед ним следователем.

За следователем сохраняется право корректировки задания эксперту и после назначения экспертизы, в процессе ее производства. Так, им могут быть поставлены дополнительные вопросы или, напротив, часть вопросов может быть снята, если необходимость в их разрешении отпала.

Наконец, производство экспертизы может быть следователем полностью прекращено, например в случаях прекращения уголовного дела, отпадения данной версии и т. п.

Надо сказать, что на практике изменение задания и прекращение производства экспертизы процессуально оформляются по-разному. Иногда следователи выносят соответствующее постановление, в других случаях ограничиваются письмом-уведомлением. В процессуальном законе этот вопрос не регламентирован, хотя в принципе такое право следователя не вызывает сомнений и довольно часто реализуется на практике. Видимо, наиболее целесообразным было бы в таких случаях вынесение следователем соответствующего постановления — о прекращении (полном или частичном) производства экспертизы или о постановке дополнительных вопросов эксперту (последнее не надо путать с постановлением о назначении дополнительной экспертизы, которое может быть вынесено лишь после окончания первичной экспертизы и получения следователем заключения эксперта).

В случаях разногласия с экспертом по вопросам методического характера, сомнения в качестве проведенных исследований в распоряжении следователя имеются такие меры процессуального реагирования, как допрос эксперта, назначение дополнительной или повторной экспертизы и даже отвод эксперта по мотивам его некомпетентности.

Вступая в ходе производства экспертизы в определенные взаимоотношения со следователем, эксперт в свою очередь также при-

обретает ряд прав. В частности, он вправе знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы, и заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения. В случае неудовлетворения такого ходатайства эксперт может полностью или частично отказаться от проведения исследований, если отсутствие требуемых материалов делает такое исследование невозможным (ст. 82 УПК РСФСР).

Эксперт может также ходатайствовать о производстве следственных действий, необходимых для установления или уточнения обстоятельств, имеющих значение для дачи заключения. Он вправе с разрешения следователя присутствовать при производстве следственных действий и задавать допрашиваемым вопросы, относящиеся к предмету экспертизы (ст. 82 УПК РСФСР). Так как эксперт не может самостоятельно вступать в какие-либо отношения с участниками процесса и свидетелями, а также самостоятельно собирать дополнительные данные, то выяснение и уточнение каких-либо интересующих его обстоятельств возможно только путем производства следственных действий. Поэтому такое право эксперта имеет большое значение для качественного проведения экспертизы. Личное участие эксперта в следственных действиях, проводимых с целью установления данных, необходимых для производства экспертизы, значительно облегчает эту задачу, поскольку следователь, не обладая соответствующими специальными познаниями, может упустить из виду какие-либо существенные обстоятельства.

На практике такое право эксперта реализуется довольно часто, особенно по некоторым видам экспертиз. Так, эксперты-автотехники нередко принимают участие в осмотре места дорожного происшествия, в следственном эксперименте по исследованию транспортных средств и дорожной обстановки (например при установлении обзорности обстановки с места водителя). Иногда возникает потребность в присутствии эксперта и в таких следственных действиях, как обыск и выемка. Например, изъятие бухгалтерских документов в ряде случаев целесообразно проводить с участием эксперта, производящего судебно-бухгалтерскую экспертизу, что обеспечивает их качественный отбор.

Другой процессуальной фигурой, с которой эксперт вступает во взаимоотношения при производстве экспертизы, если она проводится в экспертном учреждении, является руководитель этого учреждения. Как уже отмечалось, руководитель экспертного учреждения выполняет ряд процессуальных функций — назначает конкретного эксперта (или комиссию экспертов), разъясняет ему его права и обязанности и др. Он устанавливает также сроки производства экспертизы и контролирует их соблюдение. Кроме того, на него возложены функции по оказанию методической помощи и контролю за качеством экспертиз. В этих целях руководитель должен систематически знакомиться с ходом проводимых экспертом исследований, а также с их результатами. Именно он, а не

эксперт направляет следователю материалы экспертизы после ее завершения.

Таким образом, руководитель экспертного учреждения помимо процессуальных функций осуществляет также методический контроль за производством экспертизы. Такая обязанность возложена на него ведомственными нормативными актами (например упоминавшимся Положением Министерства юстиции СССР 1972 года) и вытекает из его процессуального и служебного положения как лица, обладающего необходимыми специальными познаниями и призванного осуществлять руководство вверенным ему учреждением (или его структурным подразделением).

Однако полномочия руководителя в этом отношении в процессуальном законе определены недостаточно четко. Например, не решен вопрос о случаях разногласий между экспертом и руководителем, когда эксперт отказывается выполнять его указания. Вопрос этот далеко не простой. Такие ситуации, хотя и сравнительно редко, все же возникают в экспертной практике. Иногда разногласия между руководителем и экспертом носят характер научного спора, и эксперт проявляет действительную принципиальность, отстаивая свою точку зрения; в других случаях он поступает так, исходя из ложно понятого сознания своей процессуальной самостоятельности. Каким образом должны разрешаться такого рода коллизии?

В юридической литературе высказываются различные рекомендации по этим вопросам. К сожалению, неодинаково решен этот вопрос и в ведомственных инструкциях, регулирующих организацию производства экспертиз в экспертных учреждениях.

Один из предлагаемых вариантов разрешения такого спора состоит в том, что руководитель экспертного учреждения направляет в подобных случаях специальное письмо следователю с изложением тех недостатков, которые имеются, по его мнению, в заключении и которые эксперт отказался устранить⁵⁶. Однако такое решение представляется неудовлетворительным. Прежде всего, неясен процессуальный статус такого письма. Известно, что возникающие в ходе расследования дела вопросы, требующие построения вывода на основе специальных познаний, могут разрешаться только в заключении эксперта. Составление в таких случаях каких-либо иных документов законом не предусмотрено. Поэтому такое письмо оно не может быть признано судебным доказательством. Тем более оно не может служить основанием и тому, чтобы отвергнуть заключение эксперта. Скорее всего, это непроцессуальная форма реагирования руководителя экспертного учреждения, который, как и каждый гражданин, вправе сигнализировать в следственные органы о любых известных ему по делу фактах. Таким образом, этот способ разрешения спора между руководителем и экспертом носит

⁵⁶ Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение, с. 57.

непроцессуальный характер и не снимает необходимости правового урегулирования данного вопроса.

Нужно при этом иметь в виду еще одно обстоятельство. С заключением эксперта следователь должен ознакомить обвиняемого, который обладает при этом рядом прав. С письмом же руководителя следователь не обязан никого знакомить, и по существу вопрос о его судьбе решается по бесконтрольному усмотрению следователя. Тем самым, если признать такое письмо доказательством, будут ущемлены права обвиняемого, гарантированные ему при разрешении вопросов, требующих специальных познаний. На практике следователи либо не реагируют на такие письма (иногда даже не подшивают их в дело), либо назначают повторную экспертизу. Действительно, иного способа процессуального реагирования в распоряжении следователя нет, так как письмо само по себе не является средством разрешения вопроса по существу, оно может лишь побудить следователя к более тщательной проверке экспертного заключения.

В связи с этим более правильным представляется другое решение рассматриваемого вопроса, которое предусмотрено в некоторых инструкциях Министерства юстиции СССР и находит поддержку в юридической литературе⁵⁷. Суть этого решения заключается в следующем. В случае разногласий между экспертом и руководителем последний формирует комиссию экспертов с обязательным включением в нее прежнего эксперта (в комиссию может войти и сам руководитель). Такое решение вполне согласуется с процессуальным законом: руководитель вправе поручить производство экспертизы одному или нескольким сотрудникам учреждения (ст. 187 УПК РСФСР). Пока заключение не направлено следователю, руководитель вправе, например в случае невозможности дальнейшего участия эксперта в проведении экспертизы (болезнь, длительная командировка и т.п.), произвести его замену или подключить к исследованию новых экспертов (ввиду сложности исследования, выявления новых объектов, необходимости проведения не планировавшихся ранее исследований и др.).

Против такого варианта иногда возражают, считая, что руководитель будто бы назначает в таких случаях повторную экспертизу. Однако это не так. Пока заключение не вышло из экспертного учреждения, пока оно не направлено руководителем этого учреждения следователю, экспертиза не может считаться законченной. Здесь руководитель лишь подключает к исследованию других экспертов, что ни в коей мере не превышает объема его полномочий.

Нередко в ходе работы комиссии экспертам удается прийти к единому мнению, устранить имеющиеся разногласия. Если же разногласия все же остаются, то согласно ст. 80 УПК РСФСР каждый эксперт дает отдельное заключение, которое оценивается следователем в совокупности с другими доказательствами по делу. В ре-

зультате такой оценки одни заключения могут быть приняты, а другие отвергнуты либо при наличии к тому оснований может быть назначена повторная экспертиза. В любом случае, однако, следователь получает полноценное доказательство, способствующее разрешению вопроса по существу, а не документ сомнительного процессуального характера. И, наконец, при рассматриваемом варианте разрешения спора между экспертом и руководителем полностью соблюдаются как права участвующих в деле лиц, так и принцип дачи экспертом заключения по своему внутреннему убеждению. Представляется, что это наиболее рациональное решение вопроса, которое должно найти единообразное закрепление во всех ведомственных инструкциях, а желательно, и в процессуальном законе.

Коснемся теперь вопроса о характере методических указаний руководителя экспертного учреждения эксперту. Руководитель экспертного учреждения, так же как и эксперт, является лицом, обладающим специальными познаниями, причем, как правило, наиболее опытным и квалифицированным. Это особенно относится ко многим периферийным экспертным учреждениям, где вообще мало сотрудников, к тому же нередко с небольшим стажем работы. Не нужно забывать также, что характер экспертных исследований в последние десятилетия существенно изменился. Большинство из них проводится в экспертных учреждениях по заранее разработанным методикам, обязательным для всех экспертов. Все большее распространение получают комиссионные и комплексные экспертизы, с разделением функций между экспертами в процессе исследования и узкой их специализацией. В связи с этим возрастает роль различных форм методического контроля за деятельностью экспертов (взаимное рецензирование заключений, обсуждение их на производственных совещаниях и др.). Время частных экспертов, работающих вне какого-либо методического контроля и не связанных никакими методическими рекомендациями, миновало. Все это ставит в повестку дня четкое определение правомочий руководителей экспертных учреждений, расширение их прав по методическому контролю за производством экспертизы. В то же время должны быть сохранены принципы дачи экспертом заключения по своему внутреннему убеждению и личной ответственности его за это заключение. Поэтому в общих чертах эта проблема может быть решена, на наш взгляд, следующим образом.

При формулировании вывода эксперт должен быть полностью самостоятелен, и указания руководителя в этой части для него не обязательны. Если руководитель настаивает на своих указаниях, вопрос должен решаться так, как это описано выше. Однако в части объема и характера исследований указания руководителя должны быть обязательными для эксперта (например указания о проведении дополнительных исследований, о применении новой методики и др.). Такое решение не подрывает свободы внутреннего убеждения эксперта, оно направлено лишь на обеспечение полноты и всесторонности исследования. Здесь уместно провести аналогию

⁵⁷ Надгорный Г. М. Процессуальные вопросы судебной автотехнической экспертизы, с. 57.

с полномочиями прокурора или начальника следственного отдела в отношении следователя. Известно, что вопросы о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и некоторые другие решаются следователем по внутреннему убеждению, и он вправе не выполнить соответствующего указания прокурора или начальника следственного отдела. Однако их указания о производстве дополнительных следственных действий для следователя обязательны, поскольку они не ущемляют свободы внутреннего убеждения следователя, а лишь обеспечивают необходимую полноту исследования. А ведь принцип принятия решений и формулирования выводов по внутреннему убеждению выражен в законе в отношении следователя гораздо более четко, нежели в отношении эксперта. Поэтому наделение соответствующими аналогичными правами руководителя экспертного учреждения также не отразится на свободе внутреннего убеждения эксперта. В то же время это будет способствовать более качественному проведению экспертных исследований, создаст дополнительные гарантии полноты и достоверности заключения эксперта.

При производстве экспертизы с разрешения следователя может присутствовать обвиняемый. Он может дать объяснение эксперту (п. 4 ст. 185 УПК РСФСР). Это правило является, с одной стороны, одним из средств осуществления обвиняемым права на защиту, а с другой — гарантирует полноту и достоверность экспертного заключения. На практике обвиняемый, как правило, присутствует при экспертизах, связанных с его служебной деятельностью (судебно-бухгалтерской, товароведческой, строительной, судебно-технической и др.), когда его присутствие с методической и тактической точек зрения оправданно и целесообразно⁵⁸. Случаи участия обвиняемого в криминалистических и других экспертизах, связанных с лабораторными исследованиями, практически не встречаются. Однако в принципе такая возможность не исключена, если, например, обвиняемый обладает соответствующими специальными познаниями.

По окончании экспертизы следователь обязан ознакомить обвиняемого с заключением эксперта (сообщением о невозможности дачи заключения). Аналогичным правом обладает обвиняемый и в отношении протокола допроса эксперта. При ознакомлении с этими документами обвиняемый вправе давать объяснения и заявлять возражения, просить о постановке дополнительных вопросов и о назначении дополнительной или повторной экспертизы. О выполнении этих действий делается отметка в протоколе допроса обвиняемого (ст. 193 УПК РСФСР).

Нарушение при производстве экспертизы предусмотренных законом прав обвиняемого может серьезно отразиться на качестве

⁵⁸ Не обязательно, чтобы обвиняемый присутствовал при проведении всех без исключения исследований. Возможно его эпизодическое участие в экспертизе, периодическое ознакомление с материалами по ходу исследования (Арзуманян Т. М., Танасевич В. Г. Бухгалтерская экспертиза при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, с. 89).

экспертизы, повлечь за собой назначение дополнительной или повторной экспертизы, отрицательно сказаться на сроках следствия. Все это может повлечь за собой возвращение дела на новое судебное рассмотрение или на дополнительное расследование либо вынесение вышестоящими судебными инстанциями частного определения по поводу допущенных нарушений.

Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев в судебном заседании в кассационном порядке уголовное дело в отношении Гаврилова и Дудолодова, осужденных по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР Приморским краевым судом, вынесла частное определение в адрес прокурора Приморского края, в котором указала, что следователь не ознакомил обвиняемых с постановлением о назначении экспертизы (по делу было проведено семь экспертиз — дважды судебно-медицинская в отношении потерпевшей, судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы обвиняемых и судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств), не разъяснил им их прав при назначении и проведении экспертиз, не ознакомил их с заключениями экспертов-психиатров, чем нарушил требования ст. ст. 184, 193 УПК РСФСР⁵⁹.

В УПК союзных республик по-разному решен вопрос об объеме прав подозреваемого при производстве экспертизы. Лишь в УПК Украинской (ст.ст. 197, 202) и Молдавской (ст. 167) ССР подозреваемый при назначении и проведении экспертизы полностью уравнен в правах с обвиняемым. УПК других союзных республик наделяют подозреваемого теми же правами, что и обвиняемого, только в случае помещения его в медицинское учреждение (ст. 188 УПК РСФСР) либо вообще обходят этот вопрос. В юридической литературе многие авторы высказываются за полное уравнение в правах подозреваемого с обвиняемым при производстве экспертизы⁶⁰. Действительно, если виновность подозреваемого подтвердится, то рано или поздно он будет обладать этими правами, и гораздо целесообразнее своевременно ознакомить его с постановлением о назначении экспертизы и учесть все его ходатайства и заявления. От этого интересы правосудия только выиграют: таким образом создается больше гарантий осуществления права на защиту и установления истины по делу.

В юридической литературе неоднократно поднимается вопрос о необходимости наделения теми же правами, что и обвиняемого, при производстве экспертизы также лиц, не являющихся обвиняемыми или подозреваемыми, но заинтересованных в исходе дела. Речь идет прежде всего о лицах, чья служебная деятельность проверяется в ходе экспертизы, но обвинение им не предъявлено и мера

⁵⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1976, № 9, с. 10.

⁶⁰ Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, с. 116—117; Савельев В. Обеспечение прав обвиняемого при назначении и производстве экспертизы. — Советская юстиция, 1981, № 11, с. 23.

пресечения относительно их не избрана (например при судебно-бухгалтерской экспертизе, экспертизах по делам о выпуске недоброкачественной продукции, о нарушении правил техники безопасности, противопожарных правил, строительных правил и др.)⁶¹. Действительно, на практике следователи обычно привлекают таких лиц к участию в экспертизе и фактически предоставляют им все права обвиняемого. Это вполне оправданно с методической и тактической точек зрения, ибо недопущение заинтересованных лиц к участию в экспертизе может отрицательно сказаться на ее качестве и полноте, повлечь за собой необходимость дополнительных исследований. Однако такое правило может расцениваться, на наш взгляд, лишь как тактическая или методическая рекомендация, которая не подлежит законодательному закреплению⁶². Лиц, которые, возможно, станут впоследствии подозреваемыми или обвиняемыми, нельзя юридически уравнивать в правах с последними, поскольку это «фактически ставило бы их в подозрение, что несовместимо с интересами охраны прав граждан»⁶³. Кроме того, какого-либо четкого критерия для отнесения лица к этой категории нет (напомним, что обвиняемым или подозреваемым лицо становится после конкретного процессуального акта), и круг этих лиц может быть неопределенно широким. Поэтому, хотя следователь и вправе привлечь к участию в экспертизе тех лиц, которые, по его мнению, могут стать в дальнейшем подозреваемыми или обвиняемыми, однако этот вопрос должен решаться в рамках тактических и методических рекомендаций, а не в законодательном порядке⁶⁴.

После окончания экспертизы следователь вправе допросить эксперта. Допрос эксперта проводится для разъяснения или дополнения данного им заключения (ст. 192 УПК РСФСР). Таким образом, основания допроса совпадают с основаниями назначения дополнительной экспертизы, которая тоже проводится в случаях неясности или неполноты заключения эксперта (ст. 81 УПК РСФСР). Разграничение их в этой части проводится по следующему признаку. Если для устранения неясности или неполноты экспертного заключения не требуется дополнительных исследований, проводится допрос эксперта. Если же ответы эксперта на до-

⁶¹ Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы, с. 117—118; Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А. Экспертизы на предварительном следствии. — М., 1961, с. 24; Арзуманян Т. М., Танасевич В. Г. Бухгалтерская экспертиза при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, с. 90—91.

⁶² За законодательное наделение таких лиц всеми правами обвиняемого при производстве экспертизы выступает А. Чувилев (Чувилев А. Проведение экспертизы до предъявления обвинения. — Социалистическая законность, 1968, № 11, с. 41—42).

⁶³ Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II, с. 39.

⁶⁴ Другое дело, что здесь проблема может ставиться в более широком плане — в смысле расширения круга лиц, являющихся подозреваемыми по делу. Но этот вопрос выходит за рамки нашей темы.

полнительные вопросы требуют проведения новых исследований, должна быть назначена дополнительная экспертиза.

Процессуальный порядок допроса эксперта в основном аналогичен порядку допроса свидетеля. В законе оговорено лишь, что эксперт вправе изложить свои ответы собственноручно (ст. 192 УПК РСФСР). Это право эксперта целесообразно использовать чаще, поскольку эксперт (особенно штатный сотрудник экспертного учреждения), будучи специалистом в своей отрасли, хорошо владеет специальной терминологией и имеет навыки формулирования выводов и их аргументации. Поэтому нередко он может более квалифицированно и грамотно изложить свои показания.

Как известно, уголовно-процессуальный закон (ст. 69 УПК РСФСР) не предусматривает показаний эксперта в качестве отдельного вида доказательств. В связи с этим возникает вопрос о их процессуальной природе. В юридической литературе высказано мнение, что показания эксперта являются дополнением, продолжением его заключения, выступают как его составная часть⁶⁵.

На наш взгляд, это неверно. Продолжением заключения эксперта является заключение дополнительной экспертизы, а составной частью его — приложения к заключению. Допрос же эксперта осуществляется в другой процессуальной форме. Поэтому он не может быть продолжением экспертизы, подобно тому как допрос, например, специалиста и понятого не является продолжением соответствующего следственного действия, даже если ими подтверждаются или разъясняются те же самые факты, которые изложены в протоколе этого следственного действия. Известно, что отдельные виды доказательств (источники доказательственной информации) различаются по своей процессуальной форме, а не по содержанию информации. Поэтому показания эксперта не могут быть отнесены к тому же виду доказательств, что и заключение эксперта, поскольку процессуальный порядок получения показаний и заключения эксперта существенно различен. Кроме того, показания эксперта не обязательно являются лишь комментарием заключения, его разъяснением, они могут устанавливать новые факты, имеющие самостоятельное доказательственное значение.

Вообще целью допроса эксперта может быть:

— устранение терминологических или стилистических неясностей (разъяснение значения отдельных терминов или положений заключения);

— дополнительная аргументация выводов (разъяснение сущности методики и обоснование ее надежности, дополнительное описание процесса экспертного исследования, например как изымались контрольные образцы почв, и т. п.);

— сообщение общих положений какой-либо отрасли знания (например конструктивные особенности и технические характеристики системы оружия или типа транспортного средства — убийная сила

⁶⁵ Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, с. 46—47.

оружия, его дальнобойность, радиус рассеивания дроби и т. д., скорость движения транспортного средства, его грузоподъемность и др.). В таких случаях показания эксперта имеют некоторое сходство со справочной деятельностью. В принципе по таким вопросам (являющимся компонентом специальных познаний) могут быть затребованы справки. Однако нередко такие вопросы ставятся (наряду с другими) и в постановлениях о назначении экспертизы. После окончания экспертизы они могут выясняться путем допроса эксперта;

— установление новых конкретных обстоятельств дела. При допросе эксперта ему могут задаваться и дополнительные вопросы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу (например, могли ли потерпевший передвигаться после полученного ранения, какое расстояние он мог преодолеть и т. п.).

Таким образом, в ходе допроса эксперта могут устанавливаться новые факты, имеющие самостоятельное доказательственное значение. В связи с этим показания эксперта следует рассматривать как самостоятельный вид доказательств наряду с заключением эксперта. Поэтому представляется желательным указать в законе (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР) не только на заключение эксперта, но и на его показания⁶⁶.

Сказанное целиком относится и к показаниям эксперта, данным в суде. Следует отметить, что в случаях, когда при допросе эксперта устанавливаются новые факты, суды нередко ссылаются как на доказательство именно на показания эксперта, а не на его заключение. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев в кассационном порядке дело Дебуса, осужденного по ч. 2 ст. 218 и ч. 1 ст. 208 УК РСФСР, отменила приговор и направила дело на новое судебное рассмотрение для выяснения вопроса о наличии у осужденного умысла на убийство потерпевшего. В качестве одного из доказательств, свидетельствующих о наличии такого умысла, коллегия сослалась на показания эксперта в судебном заседании о том, что для нанесения телесных повреждений причиненных потерпевшему, не требовалось больших физических усилий с учетом размера ножа и физической комплекции виновного⁶⁷.

§ 2. Производство экспертизы в суде

Экспертиза в суде может быть проведена как в случаях, когда она уже проводилась в стадии предварительного расследования, так и в случаях, когда она назначается впервые в стадии судебного разбирательства.

⁶⁶ В законе не предусмотрено ни показаний эксперта как вида (источника) доказательств (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР), ни протокола допроса эксперта среди протоколов следственных и судебных действий (ст. 87 УПК РСФСР), что, на наш взгляд, является пробелом, дающим основание к трактовке их как составной части заключения, при которой игнорируется их процессуальная форма.

⁶⁷ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 2, с. 7—8.

Рассмотрим сначала процессуальный порядок производства экспертизы в суде, когда экспертом уже было дано заключение при расследовании дела. В этих случаях вопрос о вызове эксперта в судебное заседание решается при предании обвиняемого суду. Признав участие эксперта в судебном разбирательстве необходимым, суд (судья) включает его в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (п. 5 ст. 228 УПК РСФСР).

Участие в судебном разбирательстве эксперта, давшего заключение при расследовании дела, не всегда является необходимым и целесообразным. К тому же при существующей загруженности экспертных учреждения практически не в состоянии обеспечить участие в суде экспертов, давших заключение на предварительном следствии, по каждому делу. Поэтому, если заключение эксперта не вызывает сомнений, никем не оспаривается, оно может быть исследовано в суде в отсутствие эксперта. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 16 марта 1971 г. указал, что по делам, по которым экспертиза проводилась в стадии предварительного расследования, суд должен обеспечить участие эксперта лишь «в необходимых случаях» (п. 15).

Обычно эксперты, давшие заключение при расследовании дела, вызываются в судебное заседание, когда заключение неполно или вызывает сомнения по существу, при возникновении дополнительных вопросов, когда заключение активно оспаривается обвиняемым, его защитником или другими участниками процесса и в других подобных случаях. Немаловажное значение имеет также сложность рассматриваемого дела и значение экспертного заключения в системе доказательств по делу. Так, эксперт вызывается в суд по делам, по которым отсутствуют прямые доказательства и обвинение строится на уликах, в связи с чем заключение эксперта приобретает особенно важное, а иногда и решающее значение и поэтому нуждается в особо тщательной проверке. По некоторым категориям дел заключение эксперта всегда является одним из необходимых доказательств. Поэтому, как правило, вызываются в суд эксперты-бухгалтера, эксперты-автотехники и некоторые другие.

В подготовительной части судебного разбирательства председательствующий объявляет, кто является экспертом, и разъясняет участникам судебного разбирательства право заявить ему отвод. Заявленные отводы разрешаются в общем порядке (ст. 272 УПК РСФСР). Председательствующий разъясняет также эксперту его права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, и предупреждает его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за отказ от дачи заключения по ст.ст. 181, 182 УК РСФСР (ст. 275 УПК РСФСР).

Процессуальный порядок участия эксперта в судебном следствии состоит из следующих элементов:

— участия эксперта в исследовании доказательств, относящихся к предмету экспертизы;

— постановки судом вопросов перед экспертом;

- проведения экспертом исследования и дачи заключения;
- оглашения заключения в суде;
- допроса эксперта.

Участие эксперта в исследовании доказательств, относящихся к предмету экспертизы, имеет целью обеспечить полноту и достоверность необходимых для исследования исходных данных. Для этого эксперт, вызванный в судебное заседание, наделен широким кругом процессуальных прав. Он может участвовать в исследовании всех обстоятельств, относящихся к предмету экспертизы, в частности задавать вопросы подсудимому, потерпевшему и свидетелям (ст. 288 УПК РСФСР), принимать участие в осмотре вещественных доказательств, местности и помещения и обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с осмотром (ст.ст. 291, 293 УПК РСФСР), а также участвовать в производстве других следственных действий (ст. 82 УПК РСФСР). Однако при этом необходимо иметь в виду, что эксперт вправе участвовать в установлении только тех обстоятельств, которые могут иметь значение для дачи заключения и относятся к предмету назначенной экспертизы (ст. 288 УПК РСФСР). Совершенно недопустимо, например, чтобы эксперт ставил перед допрашиваемыми лицами вопросы не специального, а правового характера, вопросы, касающиеся их личности, взаимоотношений с другими участниками процесса и т.п. В ходе допроса эксперт может выяснять и проверять лишь техническую состоятельность показаний допрашиваемых «и при обнаружении, что те или иные обстоятельства не могли иметь места в действительности, обращать на это внимание суда»⁶⁸.

Постановка вопросов перед экспертом представляет собой довольно сложную процедуру, которая складывается из следующих моментов: представления вопросов участниками судебного разбирательства, обсуждения этих вопросов и вынесения судом определения.

Согласно ст. 288 УПК РСФСР по выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для дачи заключения, председательствующий предлагает обвинителю, защитнику, подсудимому, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям задать в письменном виде вопросы эксперту, которые затем оглашаются, и по ним заслушивается мнение участников судебного разбирательства и заключение прокурора. Суд рассматривает эти вопросы, устраняет вопросы, не относящиеся к делу или компетенции эксперта, и формулирует их в окончательном виде.

Процессуальный закон требует от участников судебного разбирательства представления вопросов в письменном виде. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, данному в постановлении от 16 марта 1971 г. (п. 9), устное изложение подсудимым,

потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или другими участниками судебного разбирательства вопросов эксперту допускается лишь как исключение, когда имеются какие-либо уважительные причины (например малограмотность, состояние здоровья). Устные вопросы заносятся в протокол судебного заседания.

Все вопросы оглашаются в судебном заседании, и председательствующий предлагает участникам судебного разбирательства высказать по ним свое мнение, причем каждый может высказаться как по существу предложенных вопросов (об их относимости, правомерности, значимости для дела), так и по поводу правильности, точности их формулировок.

В окончательном виде вопросы эксперту формулируются судом. При этом суд, согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, не связан формулировкой и перечнем вопросов, предложенных участниками судебного разбирательства, а также поставленных перед экспертом в процессе предварительного расследования (п. 10 постановления № 1 от 16 марта 1971 г.). Таким образом, суд вправе не только поставить новые вопросы, но и исключить или переформулировать вопросы, предложенные участниками судебного разбирательства. Однако отклонение представленных вопросов суд обязан мотивировать.

Как указывается в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г., «по смыслу ст.ст. 261 и 288 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик вопросы перед экспертом должны формулироваться в определении суда» (п. 10). Пленум особо оговорил недопустимость замены определения другими документами, не предусмотренными законом (сопроводительным письмом, списком вопросов эксперту и т.п. — п. 8). Тем не менее это требование соблюдается судами не всегда. Встречаются случаи, когда вместо определения эксперту вручается «список вопросов эксперту» или другие подобные документы. Иногда вопросы, представленные участниками судебного разбирательства, суды передают непосредственно эксперту. Тем самым суд фактически отстраняется от формулирования вопросов, целиком возлагая эти функции на участников судебного разбирательства, что нередко влечет за собой постановку перед экспертом неправильно сформулированных, неграмотных вопросов либо вопросов, не относящихся к делу или выходящих за пределы компетенции эксперта. В некоторых случаях суды выносят определение, предварительно не предложив участникам судебного разбирательства представить вопросы эксперту, ущемляя тем самым их законные права и интересы.

Определение суда, в котором формулируются вопросы эксперту, должно выноситься в совещательной комнате и излагаться в виде отдельного документа, подписываемого всем составом суда (ст. 261 УПК РСФСР). Основные реквизиты этого документа те же, что

⁶⁸ Надгорный Г. М. Процессуальные вопросы судебной автотехнической экспертизы, с. 86.

и для постановления следователя о назначении экспертизы (ст. 184 УПК РСФСР).

Проведение экспертом исследований и дача заключения осуществляются обычно непосредственно после вынесения судом определения, в котором формулируются ставящиеся на разрешение эксперта вопросы. Для этого может быть объявлен перерыв. В случае необходимости длительных (например лабораторных, стационарных) исследований слушание дела может быть отложено до получения заключения эксперта.

В зависимости от сложности экспертизы и иных обстоятельств исследования могут быть проведены как непосредственно в суде, так и в ином месте (например в лаборатории экспертного учреждения или на месте происшествия). Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР (п. 12 постановления от 16 марта 1971 г.) судьи и участники судебного разбирательства вправе присутствовать при производстве экспертизы (если к этому, разумеется, нет препятствий нравственно-этического характера).

Заключение (или сообщение о невозможности дачи заключения) эксперт дает в суде в письменном виде и подписывает его. Приложения к заключению в виде фототаблиц, чертежей, диаграмм, ведомостей и т.п. также подписываются экспертом.

Оглашение заключения эксперта (или его сообщение о невозможности дачи заключения) является обязательным этапом (элементом) производства экспертизы в суде. Согласно уголовно-процессуальному закону (ст. 288 УПК РСФСР) заключение, данное экспертом, оглашается им в судебном заседании. Оглашение заключения эксперта предполагает и демонстрацию фотоснимков, схем, диаграмм и иных приложений к заключению.

Заключение эксперта (или его сообщение о невозможности дачи заключения) вместе со всеми приложениями приобщается к делу.

Допрос эксперта является необязательным этапом производства экспертизы в суде, он проводится, если у суда или участников судебного разбирательства возникают какие-либо вопросы по поводу данного экспертом заключения. Основания его проведения те же, что и на предварительном следствии.

Допрос эксперта может последовать только после дачи экспертом заключения и оглашения его в судебном заседании. Порядок допроса эксперта согласно УПК большинства союзных республик следующий. Вопросы эксперту задают сначала судьи, затем обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник и подсудимый (ст. 289 УПК РСФСР)⁶⁹.

⁶⁹ Иной порядок допроса эксперта установлен УПК Украинской ССР, согласно которому вопросы эксперту сначала задает прокурор, затем общественный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, защитник, общественный защитник, подсудимый, судья и народные заседатели (ст. 311).

Вопросы, заданные эксперту, и его ответы на них заносятся в протокол судебного заседания.

Таков в общих чертах процессуальный порядок производства экспертизы в суде по делам, по которым экспертом было дано заключение при расследовании дела.

По делам, по которым экспертиза на предварительном расследовании не проводилась, ее производство в судебном разбирательстве имеет следующие процессуальные особенности. Поскольку эксперт здесь не фигурирует в деле, он может принимать участие в исследовании доказательств только после вынесения судом определения о назначении экспертизы, в котором указывается, что ему поручается проведение экспертизы в суде (по делам, по которым экспертиза проводилась при расследовании дела, эксперт уже фигурирует в деле в этом качестве, и вопрос о его вызове в суд решается, как указывалось, в стадии предания суду). После исследования с участием эксперта всех обстоятельств дела, относящихся к предмету экспертизы, и выполнения процедуры постановки вопросов перед экспертом суд должен вынести второе определение, в котором формулируются вопросы, ставящиеся на разрешение эксперта. Таким образом, в указанных случаях суд выносит два определения: одно — о назначении экспертизы, которым эксперт допускается к участию в деле, и второе — о постановке перед ним вопросов (в первом определении задание эксперту может ставиться лишь в самом общем виде, например, «учитывая, что для установления первоначального содержания документа необходимы специальные познания...», поскольку в окончательном виде суд формулирует вопросы только после обсуждения предложений участников судебного разбирательства). Такой порядок вытекает из смысла закона и толкования постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г.: в п. 8 этого постановления сказано, что лицо, вызванное в судебное заседание в качестве эксперта, которое не было назначено экспертом на предварительном следствии, может участвовать в исследовании обстоятельств дела, относящихся к предмету экспертизы, лишь после вынесения определения о назначении экспертизы, а в п. 10 — что вопросы перед экспертом должны формулироваться в определении суда.

Определение о назначении экспертизы по делам, по которым она проводится в суде впервые, выносится обычно в подготовительной части судебного разбирательства. Однако возможно его вынесение и в судебном следствии, если необходимость в производстве экспертизы выявляется позднее. Определение выносится в совещательной комнате, с соблюдением требований ст. 261 УПК РСФСР.

За исключением указанных особенностей порядок производства экспертизы в суде одинаков как по делам, по которым она проводилась в стадии предварительного расследования, так и по делам, по которым она проводится по делу впервые. Пленум Верховного Суда СССР в упоминавшемся постановлении от 16 марта 1971 г. специально указал судам «на необходимость соблюдения порядка

производства экспертизы, установленного ст. ст. 275, 288 и 289 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик, независимо от того, производилась ли экспертиза в стадии предварительного расследования» (п. 9). Это означает, что если эксперт вызван в суд, то даже при наличии заключения, данного им на предварительном расследовании, в судебном заседании экспертиза должна быть проведена заново, с соблюдением вышеописанной процедуры постановки вопросов эксперту, вынесения судом определения и дачи экспертом заключения.

Нужно также иметь в виду, что экспертиза, проводимая в суде, не является дополнительной или повторной по отношению к экспертизе на стадии предварительного расследования. Она должна рассматриваться не как продолжение экспертизы, проведенной в ходе предварительного расследования дела, а как самостоятельная, первичная экспертиза, что вытекает из принципа непосредственности судебного разбирательства. Поэтому дополнительная или повторная экспертиза может назначаться судом только после дачи экспертом заключения в судебном разбирательстве.

На практике процессуальные нарушения чаще всего встречаются именно в случаях, когда в суд вызывается эксперт, давший заключение на предварительном расследовании. Именно по таким делам суды не всегда выносят определения, в которых должны формулироваться вопросы эксперту, либо вообще заменяют экспертизу допросом эксперта по данному им ранее заключению. Между тем допрос эксперта, как уже отмечалось, может иметь место только после дачи им заключения в стадии судебного разбирательства. По этим же делам эксперты не всегда составляют заключение, оформляя свои выводы в виде «ответов на вопросы суда» и иных подобных документов.

Эксперт, проводивший экспертизу в стадии предварительного расследования, будучи вызванным в суд, обязан по закону провести экспертизу и оформить ее результаты заключением, даже если оно полностью совпадает с ранее данным им заключением. Никакого иного процессуального документа, которым могли бы оформляться ход и результаты исследования эксперта при производстве по уголовному делу, закон не предусматривает. Это не означает, конечно, что эксперт должен всегда заново проводить все исследование. Если в ходе судебного разбирательства не выявлено каких-либо новых данных, имеющих значение для дачи заключения, либо если эти данные не повлияли на выводы, эксперт может дать заключение на основе ранее проведенных исследований, сославшись на них в своем заключении. Однако в любом случае он должен составить заключение, а не какой-либо иной документ, не предусмотренный законом, и дать в нем ответы на все поставленные вопросы, даже если эти ответы полностью совпадают с ответами данными им на предварительном следствии.

На практике встречаются такие случаи процессуального упрощения, когда эксперт вообще ограничивается лишь заявлени-

ем о том, что он подтверждает свое заключение, данное на предварительном расследовании. Такое заявление, как бы оно ни оформлялось, не может рассматриваться как заключение эксперта, поскольку в нем не только не дается даже минимального обоснования выводов, но и не фиксируются сами выводы. Это опять же вытекает из принципа непосредственности судебного разбирательства. Подобно тому, как суд не может удовлетвориться заявлением, например, свидетеля о том, что он подтверждает свои показания, данные следователю, а должен выслушать и исследовать их по существу, так и от эксперта, вызванного в судебное заседание, суд должен получить конкретные ответы на поставленные вопросы и какое-то их обоснование, хотя бы со ссылкой на ранее проведенные исследования⁷⁰.

Иногда по делам, по которым экспертиза на предварительном расследовании не проводилась, судами практикуется несколько иной порядок производства экспертизы, при котором эксперт непосредственного участия в судебном разбирательстве не принимает (обычно, когда необходимости в таком участии нет, например при почерковедческой экспертизе, технической экспертизе документов и др.). Суд выносит единое определение о назначении экспертизы и о постановке вопросов эксперту, которое вместе с объектами экспертизы и необходимыми материалами направляется в соответствующее экспертное учреждение, а слушание дела откладывается. После получения заключения эксперта слушание дела возобновляется, и суд в зависимости от обстоятельств вызывает эксперта лишь для допроса либо вообще ограничивается оглашением и исследованием заключения в его отсутствие.

Представляется, что такой порядок не противоречит процессуальному закону. Экспертиза, назначенная судом, может быть проведена не только непосредственно в суде, но, если это вызывается обстоятельствами, и в любом ином месте. Вызов эксперта для допроса в судебное заседание после дачи им заключения также не является обязательным, поскольку заключение, как указывалось, может быть оглашено и исследовано в отсутствие эксперта, как и заключение, данное при расследовании дела. Наконец, не является отступлением от закона оформление единым определением двух процессуальных актов: назначения экспертизы и формулирования ставящихся перед экспертом вопросов, так как основное требование — чтобы эти акты были оформлены определением суда, а не иным документом, — здесь соблюдено. Разумеется, при этом должны быть выполнены все процессуальные правила постановки воп-

⁷⁰ К сожалению, и в юридической литературе встречаются не основанные на законе рекомендации (особенно в отношении автотехнической экспертизы), допускающие замену экспертизы в суде допросом эксперта или даже его заявлением о подтверждении ранее данного заключения (см., например, Надгорный Г. М. Процессуальные вопросы судебной автотехнической экспертизы, с. 67, 69). Правильную позицию в этом вопросе занимает А. Р. Шляхов (Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение, с. 67—68).

росов эксперту и соблюдены права участников судебного разбирательства.

Некоторую специфику имеет процессуальный порядок производства экспертиз по делам частного обвинения, где, как известно, отсутствует стадия предварительного расследования. Экспертиза по делам данной категории может быть назначена не только судом в стадии судебного разбирательства, но и судьей при возбуждении дела путем вынесения соответствующего постановления (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г.).

В кассационной и надзорной инстанциях производство экспертизы (в том числе дополнительной или повторной) законом не допускается. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР в этих инстанциях судом может быть получено мнение сведущего лица. Обычно такое мнение истребуется в случаях неясности заключения эксперта или сомнений в его правильности и обоснованности (научной обоснованности примененной экспертом методики, достаточности проведенных исследований и т. п.), то есть по тем же основаниям, по которым назначается дополнительная или повторная экспертиза либо проводится допрос эксперта. Мнение сведущего лица является разновидностью дополнительных материалов и имеет примерно такое же значение, как и иные дополнительные материалы. Если оно устраняет возникшие сомнения, то может служить основанием для оставления приговора без изменения. В случаях, когда оно опровергает выводы эксперта, ставит их под сомнение, дело должно быть возвращено в соответствующую инстанцию для производства повторной экспертизы. Пленум Верховного Суда СССР специально подчеркнул, что мнение сведущего лица, как и иные дополнительные материалы, не может заменить заключение эксперта и служить основанием к изменению или отмене приговора с прекращением дела, и указал, что «при наличии сомнений в правильности заключения эксперта, имевшего существенное значение для вынесенного приговора, суд в кассационном или надзорном порядке должен отменить приговор и направить дело на новое расследование или на новое судебное разбирательство, дав мотивированное указание о необходимости производства повторной экспертизы» (п. 16 постановления от 16 марта 1971 г.).

Глава III

ОСОБЫЕ ВИДЫ ЭКСПЕРТИЗ

§ 1. Дополнительная и повторная экспертизы

Помимо деления экспертиз по их предмету, объекту и методам (различные криминалистические, медицинские, бухгалтерские и др.) существуют их классификации по иным основаниям. Так, по

последовательности проведения различаются первичные и повторные экспертизы, по объему исследования — основные и дополнительные, по количеству экспертов — единоличные и комиссионные, по характеру используемых знаний — однородные и комплексные. Выделяются также однообъектные (малообъектные) и многообъектные экспертизы — по числу объектов исследования и однородные и неоднородные в зависимости от того, относятся поставленные вопросы к одному или нескольким видам экспертиз⁷¹. Здесь мы рассмотрим лишь некоторые особые виды экспертиз, а именно те, которые отличаются существенными правовыми особенностями, — дополнительную, повторную, комиссионную и комплексную.

Дополнительная и повторная экспертизы могут быть назначены только после проведения первичной (основной) экспертизы. Причем как дополнительная, так и повторная экспертиза не обязательно является второй по счету, она может быть третьей и последующей. Критерием разграничения дополнительной и повторной экспертиз являются основания их назначения, которые выступают в качестве дополнительных по отношению к общим основаниям назначения экспертиз.

Большинство УПК союзных республик называет в качестве оснований назначения дополнительной экспертизы недостаточную ясность или неполноту экспертного заключения, а повторной — необоснованность заключения эксперта или сомнения в его правильности (ст. 81 УПК РСФСР).

Рассмотрим основания назначения дополнительной и повторной экспертиз и критерии их разграничения.

Неясность экспертного заключения может выражаться в нечеткости формулировок, их расплывчатости, неопределенности и т. п. Обычно этот недостаток устраняется путем допроса эксперта, а не посредством назначения дополнительной экспертизы, поскольку для этого не требуется проведения дополнительных исследований.

Неполнота экспертного заключения имеет место, когда эксперт оставил без разрешения некоторые из поставленных перед ним вопросов, сузил их объем либо исследовал не все представленные ему объекты и т. п. Однако в некоторых случаях неполнота может ставиться под сомнение и обоснованность заключения (например, если эксперт не учел всех обстоятельств, имеющих значение для решения поставленных перед ним вопросов, не применил всех методов исследования и т. п.) и поэтому выступает в качестве основания назначения не дополнительной, а повторной экспертизы. Разграничение этих оснований в таких случаях можно провести по следующему признаку. Неполнота, выражающаяся в сужении объема задания, является основанием назначения дополнительной экспертизы, поскольку при этом не ставятся под сомнение выводы эксперта в части разрешенных им вопросов. Если же неполнота относится к характеру и объему исследова-

⁷¹ Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение, с. 69.

ния, необходимого для решения поставленных вопросов, то она выступает уже в качестве основания назначения повторной экспертизы, так как в данном случае вопросы должны решаться заново по существу, с учетом дополнительно проведенных исследований. Так, неправильным будет назначение дополнительной экспертизы вместо повторной в случаях, когда эксперт-баллист произвел недостаточное количество экспериментальных выстрелов или эксперт-автотехник при расчете коэффициента сцепления не учел, что одно колесо автомашины тормозилось еще бордюрным камнем, то есть когда производство дополнительных исследований связано с необходимостью решения тех же самых вопросов. Таким образом, неполнота заключения эксперта как основание назначения дополнительной экспертизы относится лишь к объему полученного экспертом задания и выражается только в сокращении числа или объема поставленных перед ним вопросов (например, на вопрос о том, нарушена ли целостность пломбирочной бечевы, эксперт ответил, что она могла быть нарушена без нарушения целостности пломбы).

Назначение дополнительной экспертизы не всегда является результатом недостатков первичной экспертизы. Постановка дополнительных вопросов нередко вызывается расширением потребностей следствия, вовлечением в его орбиту новых объектов (например, обнаружены новые клеветнические письма, напечатанные предположительно на исследовавшейся ранее пишущей машине) либо может быть результатом упущения лица, назначившего экспертизу. Вообще в литературе вопрос о природе такого рода экспертизы является спорным. Одни авторы считают ее дополнительной⁷², другие — новой, самостоятельной экспертизой⁷³. На практике тоже нет единства в этом вопросе, и такие экспертизы оформляются по-разному. При решении данного вопроса необходимо, видимо, исходить из сущности дополнительной экспертизы. Смысл ее законодательного выделения в особый вид экспертизы обусловлен, в частности, соображениями экономичности, так как в подобных случаях нет необходимости заново исследовать объект, который уже исследован, описывать подробно его свойства — достаточно сослаться на первое заключение. Так, если эксперту представлено дополнительно обнаруженное клеветническое письмо, то ему не нужно снова изучать свойства данной пишущей машины и излагать их в заключении. Поэтому, если при решении новых вопросов хоть в какой-то мере могут быть использованы результаты предыдущих исследований, на наш взгляд, должна назначаться дополнительная экспертиза⁷⁴. Новой, самостоятельной экспертиза будет

⁷² Пинхасов Б. И. Назначение и производство дополнительной экспертизы. — Сборник научных трудов ТашНИИСЭ. Вып. V. Ташкент, 1968.

⁷³ Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А. Экспертизы на предварительном следствии. — М.: Юридическая литература, 1967, с. 21.

⁷⁴ Как справедливо отмечает Г. М. Надгорный, «признание такой экспертизы дополнительной будет отражать связь нового исследования с предыдущим,

лишь в том случае, если новое исследование никак не связано с предыдущим (например, назначается вторая автотехническая экспертиза по совершенно другому эпизоду дела), либо, хотя исследованию подлежит тот же самый объект, само оно относится к предмету другого вида экспертизы (например, после проведения технической экспертизы документов по выявлению невидимого текста назначается почерковедческая экспертиза).

Однако закон, как известно, не предусматривает такого основания назначения дополнительной экспертизы, как необходимость постановки новых вопросов, связанных с предыдущим исследованием. В принципе возможно расширительное толкование понятия неполноты экспертного заключения, каковым может считаться и неполнота задания эксперту. Однако более целесообразным представляется раздельное установление в законе этих оснований. Желательно, чтобы в законе было предусмотрено в качестве самостоятельных оснований назначения дополнительной экспертизы неполное разрешение экспертом поставленных перед ним вопросов и необходимость постановки дополнительных вопросов, связанных с предыдущим исследованием.

Таким образом, основное отличие дополнительной экспертизы от повторной заключается в том, что при дополнительной экспертизе решаются вопросы, которые ранее по каким-то причинам не были решены, а при повторной заново решаются вопросы, на которые уже получены ответы, но выводы эксперта вызывают сомнения по существу.

Основанием назначения повторной экспертизы является, как указывалось, необоснованность экспертного заключения или сомнения в его правильности. Обоснованность заключения эксперта — это его аргументированность, убедительность. Необоснованным заключение может быть признано, если вызывает сомнения примененная экспертом методика, недостаточен объем проведенных исследований, выводы эксперта не вытекают из результатов исследований или противоречат им и в других подобных случаях. Необоснованное заключение может оказаться как правильным, так и неправильным по существу. Однако в качестве доказательства может быть использовано только научно обоснованное и убедительное заключение. Поэтому даже при отсутствии по делу каких-либо данных, вызывающих сомнения в правильности заключения эксперта, необоснованность выводов, их неподтвержденность данными проведенных исследований может служить достаточным основанием назначения повторной экспертизы.

Правильность экспертного заключения означает соответствие выводов эксперта объективной действительности. В принципе любое неправильное заключение содержит какой-либо изъян и в его

обеспечит представление эксперту всех необходимых материалов, позволит поручить ее проведение эксперту, изучавшему уже соответствующие материалы дела» (1969 год).

обосновании. Однако его обнаружение может оказаться затруднительным для лица, производящего оценку заключения. Поэтому закон предусматривает в качестве самостоятельного основания назначения повторной экспертизы также и сомнения в правильности экспертного заключения, имея в виду случаи, когда мотивом ее назначения является недостаточная уверенность в истинности экспертных выводов, их соответствии фактическому положению вещей независимо от того, имеются ли какие-либо конкретные упрёки по поводу их обоснованности⁷⁵.

Сомнения в правильности заключения эксперта могут возникнуть, например, в случае несоответствия его выводов другим материалам дела, при активном оспаривании этих выводов обвиняемым или другими участниками процесса и в других случаях, когда обстоятельства конкретного дела диктуют необходимость получения дополнительных гарантий истинности этих выводов⁷⁶.

Таким образом, необоснованность экспертного заключения определяется, как правило, при оценке его самого — исходя из его содержания и внутренней структуры. Сомнения же в правильности заключения обычно являются результатом оценки совокупности доказательств — при сопоставлении выводов эксперта с другими полученными по делу данными (при этом, разумеется, не исключено, что повторная экспертиза назначается по тому и другому основанию одновременно).

В процессуальной литературе в числе оснований назначения повторной экспертизы нередко называются существенные нарушения процессуальных норм, допущенные при назначении и проведении судебной экспертизы⁷⁷.

На наш взгляд, это обстоятельство требует уточнения. Как известно, процессуальные нарушения, влияющие на допустимость доказательств, могут быть устранимыми и неустранимыми⁷⁸. Например, процессуальное нарушение, выразившееся в том, что обвиняемый не был своевременно ознакомлен с заключением эксперта, в принципе может быть устранено и не влечет за собой автоматически недопустимости этого заключения как доказательства

⁷⁵ В связи с этим представляется не совсем удачной регламентация повторной экспертизы в тех УПК, в которых предусмотрено лишь одно основание ее назначения — необоснованность заключения эксперта (ст. 66 УПК Узбекской ССР, ст. 76 Азербайджанской ССР и др.).

⁷⁶ В УПК УССР противоречие между заключением эксперта и материалами дела выделено в самостоятельное основание назначения повторной экспертизы (ст. 75).

⁷⁷ См., например, Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, с. 242.

⁷⁸ Подробнее об этом см., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Юридическая литература, 1972, с. 238.

(что не исключает, разумеется, ответственности лица, допустившего это нарушение). Другое дело, если производство экспертизы было поручено, скажем, лицу, подлежащему отводу, или эксперту были представлены для исследования фальсифицированные доказательства. Такие нарушения не могут быть устранены, и заключение является недопустимым независимо от степени обоснованности и правильности выводов. Экспертиза считается в таком случае несостоявшейся, а последующее экспертное исследование является не повторной, а первичной экспертизой.

Не является повторной экспертиза, если эксперту представлены новые исходные данные, которые ранее ему не были известны. Изменение исходных данных нередко влечет за собой формулирование совершенно иных выводов (например, если ранее эксперт считал, что у водителя была техническая возможность предотвратить наезд, то при исследовании новых исходных данных он может прийти к выводу, что такой возможности у него не было). В отличие от повторной экспертизы здесь предыдущий вывод не ставится под сомнение и не перепроверяется. Более того, он остается правильным (для тех условий, из которых исходил эксперт), даже если последующий вывод противоречит ему. Если экспертом рассчитаны различные варианты для неодинаковых исходных данных, это обстоятельство не колеблет правильности каждого отдельно взятого варианта. В случае необходимости исследования какого-либо дополнительного варианта экспертизы назначается не из-за сомнений в правильности и обоснованности имеющихся выводов, следовательно, она не может быть признана повторной. Представляется более правильным считать ее дополнительной, так как она назначается для расчета дополнительного варианта, что является разновидностью постановки перед экспертом дополнительных вопросов, связанных с предыдущим исследованием⁷⁹.

Иначе должен решаться вопрос, когда при повторном исследовании меняются не исходные данные, а количество представленного эксперту сравнительного материала (например количество свободных образцов почерка). В этом случае налицо все признаки повторной экспертизы: при тех же самых исходных данных заново решаются те же самые вопросы.

Основанием назначения экспертизы здесь выступает необоснованность первого заключения, поскольку появились сомнения, достаточно ли было той совокупности признаков, которой располагал эксперт, для того, чтобы сделать данный вывод, базируется ли этот вывод на достаточном фактическом материале.

Процессуальный порядок производства дополнительных и повторных экспертиз различен: дополнительная экспертиза может

⁷⁹ Такую позицию занимает, в частности, Б. И. Пинхасов (Пинхасов Б. И. Назначение и производство дополнительной экспертизы, с. 42—43).

быть поручена тому же или другому эксперту, а повторная — только другому эксперту или другим экспертам (ст. 81 УПК РСФСР)⁸⁰.

В постановлении (определении) о назначении дополнительной или повторной экспертизы помимо общих оснований назначения экспертизы должны быть указаны мотивы и основания соответственно дополнительной или повторной экспертизы (какие обстоятельства остались невыясненными при проведении предыдущей экспертизы либо в чем конкретно выражается необоснованность выводов эксперта или какие имеются основания для сомнений в их правильности). Эксперту, производящему дополнительную или повторную экспертизу, должны быть представлены заключения (сообщения о невозможности дачи заключения) предшествующих экспертиз со всеми приложениями, а также дополнительные материалы, которые оказались в распоряжении следователя или суда после проведения предыдущих исследований.

При производстве повторной экспертизы эксперт должен дать оценку (с позиций специальных познаний) выводов первичной экспертизы и указать на допущенные предыдущими экспертами ошибки. Согласно ведомственным нормативным актам Министерства юстиции СССР в заключении повторной экспертизы должны быть указаны причины расхождения с результатами первичной экспертизы, если таковые имели место. Это правило имеет большое значение для правильной оценки следователем и судом противоречивых заключений экспертов. Так, если эксперт-автотехник при производстве повторной экспертизы выявит лишь простую арифметическую ошибку, допущенную предыдущим экспертом, и не отметит это в своем заключении, то следователю для установления причины расхождения в выводах не остается ничего иного, как самому произвести все расчеты либо назначить еще одну экспертизу.

§ 2. Комиссионная и комплексная экспертизы

Комиссионная экспертиза — это экспертиза, проводимая несколькими экспертами одной специальности (или узкой специализации).

Обычно производство экспертизы поручается нескольким экспертам в случае ее особой сложности или значимости по делу. УПК Казахской ССР устанавливает обязательный комиссионный порядок производства повторных экспертиз (ст. 57). Согласно ведомственным нормативным актам Министерства здравоохранения СССР комиссионно проводятся все судебно-психиатрические экспертизы, а также некоторые виды судебно-медицинских экспертиз. В остальных случаях, когда этот вопрос не регулируется какими-

⁸⁰ По УПК Молдавской ССР при производстве повторной экспертизы в составе комиссии может участвовать эксперт, проводивший первичную экспертизу (ст. 65).

либо нормативными актами, вопрос о комиссионном характере экспертизы может быть решен как лицом или органом, ее назначившим, так и руководителем экспертного учреждения. Если в постановлении (определении) о назначении экспертизы имеется указание о проведении ее в составе комиссии, оно является обязательным для экспертов, включенных в состав комиссии, либо для руководителя экспертного учреждения, которому поручено проведение экспертизы (за исключением, разумеется, случаев невозможности создания комиссии, например, когда в учреждении имеется только один эксперт требуемой специальности; однако об этом должен быть немедленно извещен орган или лицо, назначившее экспертизу). Вместе с тем по смыслу ст. 187 УПК РСФСР руководитель экспертного учреждения вправе поручить производство экспертизы нескольким сотрудникам данного учреждения независимо от того, было ли об этом указание лица или органа, назначившего экспертизу, поскольку проведение экспертизы в комиссионном порядке лишь повышает надежность и авторитетность экспертных выводов.

При производстве комиссионной экспертизы эксперты — члены комиссии до дачи заключения вправе совещаться между собой (ст. 80 УПК РСФСР).

В экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР при проведении комиссионной экспертизы из числа экспертов, включенных в комиссию, назначается руководитель группы (ведущий эксперт). На него возлагается координация деятельности членов комиссии, разработка общего плана исследований, руководство совещанием экспертов, контроль за выполнением сроков исследований и т.п. Однако все полномочия руководителя группы носят исключительно организационный характер. Никакими процессуальными полномочиями он не обладает и при решении поставленных вопросов по существу не имеет никаких преимуществ перед другими экспертами.

Если члены комиссии придут к общему выводу, они составляют единое заключение. В случае разногласий эксперты, несогласные с другими экспертами, дают отдельные заключения (ст. 80 УПК РСФСР). Может быть составлено также единое заключение, отражающее мнение части экспертов, участвовавших в комиссии.

Комплексная экспертиза — это экспертиза, в производстве которой участвуют несколько экспертов различных специальностей или узких специализаций (профилей).

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве производство комплексной экспертизы предусмотрено лишь УПК Киргизской ССР, ст. 63 которого гласит: «Для разрешения вопросов, относящихся к компетенции различных отраслей науки и техники, в необходимых случаях назначается комплексная экспертиза, поручаемая комиссии из соответствующих экспертов». УПК других союзных республик никаких норм о комплексной экспертизе не содержат. На возможность проведения экспертизы, осуществляе-

мой «несколькими экспертами на основе использования разных специальных познаний», указал в своем постановлении № 1 от 16 марта 1971 г. (п. 6) Пленум Верховного Суда, фактически признавший правомерность такой экспертизы и давший ряд рекомендаций о порядке ее проведения.

Несмотря на законодательную неурегулированность, производство комплексных экспертиз получает все более широкое применение. Это вызвано рядом объективных причин. В условиях интенсивного внедрения в экспертную практику научных и технических достижений и усиливающейся дифференциации и интеграции знаний процесс производства экспертизы все более приобретает не только коллективный, но и кооперированный характер, в нем прослеживаются черты научного разделения труда. Вследствие усложнения и увеличения числа применяемых методов и методик усиливается специализация экспертов. Все чаще производство экспертизы становится непосильным для эксперта лишь одной какой-то специальности и тем более узкой специализации. Кроме того, потребности судебно-следственной практики все чаще диктуют необходимость решения вопросов, находящихся на стыке различных наук и требующих познаний в различных областях знания. Всем этим требованиям отвечает комплексная экспертиза. В литературе неоднократно указывалось на ее широкие возможности, подчеркивалась высокая эффективность совокупного, синтезированного применения знаний из различных отраслей науки и техники для разрешения интересующих следствие и суд вопросов⁸¹.

На практике наиболее часто проводятся комплексные медико-криминалистические экспертизы, особенно по установлению механизма выстрела (направление и дальность выстрела, взаимное расположение стрелявшего и потерпевшего и др.) путем исследования соответствующих объектов медиками (повреждения на трупе) и баллистами (повреждения на одежде и иных объектах), транспортно-трасологические экспертизы по установлению механизма дорожно-транспортного происшествия путем исследования повреждений на транспортных средствах и иных объектах автотехники и трасологами (иногда с участием медиков, если исследуются также повреждения на теле человека) и др.

Каковы основные правовые признаки (черты) комплексной экспертизы? Это, во-первых, участие в ее производстве экспертов различных специальностей (специализаций) и вытекающее отсюда разделение функций между ними в процессе исследования и, во-вторых, дача экспертами совместного заключения на основе не только лично проведенных исследований, но и по результатам исследований, проведенных другими экспертами. Именно эти признаки определяют правовую природу комплексной экспертизы и порождают споры о ее допустимости, поскольку возникает вопрос,

⁸¹ Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. — Иркутск, 1976, с. 17 и след.

как согласуется комплексная экспертиза с общими принципами экспертизы, в частности с принципом личной ответственности эксперта и запретом выхода за пределы своей компетенции.

На наш взгляд, эта проблема решается следующим образом. При производстве комплексной экспертизы каждый эксперт может исследовать лишь те объекты, которые относятся к его компетенции, и применять методы, которыми он владеет. Поэтому пределы компетенции эксперта при проведении исследований соблюдаются (разумеется, при правильной организации комплексной экспертизы)⁸². При формулировании выводов условие о соблюдении экспертом пределов своей компетенции заключается в том, что каждый эксперт должен быть компетентен в предмете исследования в такой мере, чтобы он мог использовать результаты исследований других экспертов. Так, эксперт-трасолог и судебно-медицинский эксперт достаточно сведущи в общих закономерностях следообразования. При этом от эксперта вовсе не требуется умение оценить ход и результаты исследования экспертов другой специальности по существу, достаточно, чтобы он мог использовать эти результаты для ответа на поставленные вопросы.

Что касается принципа личной ответственности эксперта за данное им заключение, то при комплексной экспертизе каждый эксперт, во-первых, несет личную ответственность за ту часть исследований, которую он провел, и за полученные им результаты (промежуточные выводы). При формулировании же общих (конечных) выводов имеет место своего рода условная ответственность эксперта: он отвечает за правильность вывода, в формулировании которого он участвовал, при условии, что использованные им результаты исследований, проведенных другими экспертами, правильны⁸³.

Таким образом, в основных чертах комплексная экспертиза отвечает (хотя и в определенной модификации) тем требованиям, которые предъявляет процессуальный закон к институту судебной экспертизы. Вместе с тем она обладает и существенной правовой спецификой. Так, на нее не может быть распространено требование закона о даче экспертом заключения только на основании лично проведенных исследований. Как раз напротив, отличительной ее чертой является, как указывалось, дача совместного заключения по результатам исследований, проведенных всеми экс-

⁸² В связи с этим вызывает возражения выдвигаемое некоторыми авторами предложение о том, чтобы при комплексной экспертизе все исследования проводились экспертами совместно. Так, В. И. Шиканов включает совместность проведения всех исследований в число основных признаков комплексной экспертизы (Шиканов В. И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе. Автореф. Дис. ... канд. юр. наук. — Л., 1968, с. 11). Однако, если эксперт начнет исследовать объект, который не входит в его компетенцию (например, эксперт-баллист или эксперт-трасолог примет участие в исследовании трупа), это будет явным выходом за пределы его компетенции.

⁸³ Эта мысль впервые была высказана (к сожалению, только в устных выступлениях) В. М. Галкиным.

пертами. Имеется и целый ряд особенностей, касающихся процессуального порядка проведения комплексной экспертизы и оформления ее результатов. В связи с этим представляется необходимой ее самостоятельная законодательная регламентация⁸⁴.

Рассмотрим основные процессуальные особенности проведения и оформления комплексной экспертизы и те требования, которым она должна удовлетворять.

В отличие от однородной комиссионной экспертизы, где все эксперты обладают равной компетенцией, при комплексной экспертизе, как отмечалось, их компетенция неодинакова⁸⁵, причем эта неодинаковость может выражаться в различии не только специальностей, но и более узких специализаций (профилей).

Комплексной может быть не только межвидовая или межродовая экспертиза (медико-криминалистическая, транспортно-трасологическая и др.), но и внутривидовая. Усиливающаяся специализация экспертов (в частности по методам исследования) приводит к тому, что и в рамках одного вида экспертизы возможно различие компетенции экспертов и разделение функций между ними в процессе исследования.

Так, при трасологической экспертизе по идентификации частей разделенного целого — например кусочков ткани — помимо установления общей линии разделения определяются технологические признаки ткани (вид переплетения, направление крутки и пр.), природа ткани (шерсть, хлопок, синтетическое волокно), проводится химический анализ ткани и красителей и т. п. Все эти исследования обычно проводятся различными экспертами — химиками, технологами и другими специалистами по каким-то объектам или методам. При баллистической экспертизе боеприпасов помимо эксперта-баллиста могут участвовать химики и биологи (при исследовании пыжей и прокладок), спектроскописты (для установления химического состава свинцового заряда) и другие узкие специалисты. То же самое относится к технической экспертизе документов, судебно-почвоведческой и другим видам экспертиз.

Как видно, при производстве таких экспертиз также имеет место различие функций экспертов с учетом их специализации, наличие и совместный вывод, сделанный на основе исследований всех

⁸⁴ Определенным шагом в этом направлении является разъяснение по вопросу о комплексной экспертизе, данное Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 16 марта 1971 г. Вместе с тем следует отметить и некоторую противоречивость указаний Пленума. Так, с одной стороны, в постановлении говорится о том, что требование закона о даче заключения на основе лично проведенных исследований полностью распространяется на комплексную экспертизу (ч. 2 п. 6), а с другой — допускается возможность использования при формулировании окончательного вывода фактов, установленных другими экспертами (ч. 1 п. 6). Это еще раз свидетельствует о необходимости четкого законодательного урегулирования вопросов, касающихся комплексной экспертизы.

⁸⁵ В этом отношении комплексную экспертизу можно считать разновидностью комиссионной, поскольку в ее производстве всегда участвует несколько экспертов.

участвовавших в их проведении экспертов. В связи с этим вызывает возражения трактовка комплексной экспертизы как экспертизы, при которой решаются вопросы, относящиеся к компетенции двух или более видов экспертиз⁸⁶. Экспертиза одного вида, если в ней участвуют эксперты неодинаковой компетенции, обладает всеми признаками комплексной экспертизы, и на нее целиком распространяются все процессуальные особенности производства последней.

Разделение функций экспертов при производстве комплексной экспертизы диктует ряд требований, относящихся к ее процессуальному оформлению. Прежде всего в заключении должны быть четко отражены функции каждого эксперта, принимавшего участие в производстве комплексной экспертизы (чего не требуется при простой комиссионной экспертизе, поскольку там функции всех экспертов одинаковы). В постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. специально оговорено, что в заключении комплексной экспертизы должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт (ст. 6).

В экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР выработалась на практике и закреплена инструктивно особая форма заключения комплексной экспертизы. В частности, в нем отдельно излагаются все виды исследований, проведенных различными экспертами. Заключение, таким образом, состоит из нескольких частей, соответствующих видам проведенных исследований. Далее. По каждому виду исследований формулируются сначала так называемые промежуточные выводы. Например, при идентификации кусочков ткани эксперт-технолог констатирует факт изготовления ткани на станке определенного типа, эксперт-химик, проводивший исследование ткани хроматографическим методом, указывает на совпадение пирогрaмм по определенным показателям, эксперт-спектроскопист устанавливает совпадение ткани по ее природе, цвету и др.; аналогичным образом констатируются промежуточные выводы в отношении красителей. Это необходимо для персонализации функций каждого эксперта, принимавшего участие в экспертизе, для удобства использования результатов каждого вида исследований при формулировании конечных выводов, облегчает оценку заключения следователем и судом, в частности проверку соблюдения экспертами пределов своей компетенции.

Каждая такая часть заключения, включая промежуточные выводы, должна быть подписана тем экспертом (экспертами), который непосредственно провел данное исследование и сформулировал эти выводы.

⁸⁶ Шиканов В. И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе. Автореф. Дис. ... канд. юр. наук, с. 11—12; Селиванов Н. Комплексная судебная экспертиза. — Социалистическая законность, 1962, № 11, с. 40.

Аналогичным образом в заключении комплексной экспертизы должны быть четко разграничены функции экспертов и при формулировании конечных выводов. Дело в том, что в их формулировании могут принимать участие не все эксперты—члены комиссии, а лишь достаточно компетентные в общем предмете исследования. Узкие специалисты, в частности специалисты по методам, обычно ограничиваются лишь формулированием промежуточных выводов, которые затем используются другими экспертами при даче конечных выводов. Например, если при проведении почвоведческой экспертизы в исследуемых образцах почвы обнаруживаются инородные включения (краски, строительные или горюче-смазочные материалы и др.), они передаются на исследование соответствующим специалистам, работающим обычно в других лабораториях. Последние, как правило, не компетентны в вопросах почвоведческой экспертизы и поэтому не участвуют в формулировании общего вывода о принадлежности образцов к определенному участку (группе, роду), а результаты их исследований используются экспертами-почвоведом как один из идентификационных признаков⁸⁷.

Конечные выводы излагаются в так называемой синтезирующей части заключения. Она подписывается только теми экспертами, которые принимали участие в их формулировании. Если эти выводы делались различными экспертами, каждый из них должен быть подписан отдельно.

На комплексную экспертизу распространяются также общие правила, касающиеся порядка производства комиссионной экспертизы: право экспертов совещаться между собой и право эксперта, несогласного с другими экспертами, составить отдельное заключение. Организация проведения комплексной экспертизы также осуществляется по правилам комиссионной экспертизы. В частности, из числа экспертов назначается руководитель группы (ведущий эксперт), который обладает такими же организационными полномочиями, как и при однородной комплексной экспертизе.

Надо сказать, что вопрос о понятии комплексной экспертизы на протяжении многих лет является спорным, и приведенная здесь ее трактовка—не единственная (хотя и разделяется рядом авто-

⁸⁷ В экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР в последнее время ставится (пока что в устных выступлениях) вопрос о фигуре так называемого эксперта-интегратора. Под ним понимается эксперт, сведущий в общих вопросах какого-то вида (или нескольких видов) экспертизы, который не принимает участия в проведении исследований, а лишь формулирует конечные выводы по результатам исследований, проведенных другими экспертами (узкими специалистами). Будущее покажет, появится ли такая фигура и оправдает ли она себя на практике. Здесь же отметим, что в принципе ее появление не противоречило бы тенденции развития комплексной экспертизы, заключающейся, с одной стороны, во все более узкой специализации многих экспертов, а с другой—в необходимости подготовки специалистов широкого профиля, способных интегрировать результаты исследования первых.

ров⁸⁸). Из имеющихся точек зрения отметим здесь лишь две крайние.

Первая, наиболее ортодоксальная, заключается в отрицании правомерности комплексной экспертизы на том основании, что при ее производстве имеет место выход экспертов за пределы своей компетенции⁸⁹. Однако запрет производства комплексной экспертизы—это не выход из положения. Процесс ее развития имеет, как указывалось, объективные причины и остановить его невозможно, да и не нужно, так как явление это не только неизбежное, но и прогрессивное. Поэтому гораздо более рационально ставить вопрос не о запрете комплексной экспертизы, а о четкой ее законодательной регламентации.

Вторая крайняя точка зрения—это узкокриминалистическая трактовка комплексной экспертизы. Основным (а то и единственным) ее признаком называется применение при ее производстве различных отраслей знания⁹⁰. Отсюда нередко делается вывод, что комплексная экспертиза может проводиться и одним лицом, обладающим различными специальными познаниями⁹¹. Однако этот признак—применение различных отраслей знания—является не правовым, а методическим и характеризует скорее не комплексную экспертизу, а комплексное исследование⁹².

⁸⁸ Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II, с. 59 и след.; Аринушкин Г. Комплексная экспертиза требует регламентации.—Социалистическая законность, 1977, № 10, с. 40—43. Сходную трактовку комплексной экспертизы давал еще в 1956 году А. И. Винберг (Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе.—М.: Госюриздат, 1956, с. 60).

⁸⁹ Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе.—М.: Госюриздат, 1953, с. 217; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I.—М.: Наука, 1968, с. 217. Авторы считают, что было бы правильным, если бы каждый эксперт различной специальности оформлял бы свои выводы отдельным заключением. Однако все дело в том, что при комплексной экспертизе (исключая, разумеется, случаи ее неправильного назначения, когда одним постановлением фактически назначается несколько самостоятельных экспертиз) синтезированный вывод по результатам проведенных исследований (экспертиз) синтезированный вывод не может быть сделан следователем и судом. Так, никакой следователь или суд не сможет оценить идентификационную значимость спектрограммы или пирограммы, полученной узкоспециализированным экспертом, для этого требуются познания соответствующего специалиста более широкого профиля.

⁹⁰ Шиканов В. И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе. Автореф. Дис. ... канд. юр. наук, с. 12; Виноградов В. И., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А. Экспертизы на предварительном следствии.—М.: Юридическая литература, 1967, с. 15.

⁹¹ В последние годы активно защищают эту концепцию (как в устных выступлениях, так и в печати) А. Р. Шляхов (Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение, с. 77).

⁹² Комплексное исследование в отличие от комплексной экспертизы является понятием методическим. Оно может осуществляться в различных процессуальных формах—в форме комплексной экспертизы, комплекса (ряда) экспертиз в отношении одного и того же объекта, а также экспертизы, проводимой одним лицом, обладающим различными специальными познаниями (или несколькими такими лицами).

С правовой точки зрения безразлично, одна или несколько отраслей знания используются при решении поставленных вопросов. Комплексная же экспертиза является понятием правовым, а не только (и не столько) методическим, и поэтому при ее определении должны быть выделены прежде всего правовые признаки. Указанная концепция не учитывает правовые особенности комплексной экспертизы, заменяя ее существенные (в правовом отношении) признаки несущественными (поскольку правовое значение имеют не отрасли знания, которые используются экспертами, а одинаковость или неодинаковость их компетенции). В этом — ее основной недостаток. Поэтому объективно, независимо от мотивов, которыми руководствовались ее авторы, такая концепция мало способствует легализации комплексной экспертизы. Она не решает никаких правовых проблем комплексной экспертизы, а лишь создает видимость их отсутствия. В самом деле, если комплексная экспертиза может проводиться одним лицом, то никакой правовой специфики она не имеет и вопрос о ее допустимости даже не встает. Между тем проблема допустимости комплексной экспертизы может быть решена только путем исследования ее правовых признаков.

Глава IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА И ЕГО ОЦЕНКА

§ 1. Содержание и структура заключения эксперта

Уголовно-процессуальный закон регламентирует содержание заключения эксперта лишь в самых общих чертах. Согласно ст. 191 УПК РСФСР в заключении должно быть указано, когда, где и кем произведена экспертиза, основания ее производства, кто присутствовал при проведении экспертизы, какие материалы эксперт использовал, какие вопросы были перед ним поставлены и его мотивированные ответы на них. Аналогичным образом регламентируют этот вопрос и УПК других союзных республик.

На практике выработаны более подробные реквизиты заключения эксперта и определена его структура, что нашло закрепление в различных ведомственных положениях и инструкциях, регулирующих деятельность экспертных учреждений, а также отражено в бланках (образцах) заключения эксперта.

Заключение эксперта состоит из трех частей — вводной, исследовательской и выводов⁹³.

В вводной части указывается наименование экспертизы; ее номер, если экспертиза является дополнительной, повторной,

⁹³ По УПК некоторых союзных республик заключение эксперта именуется актом экспертизы. Однако это различие носит исключительно терминологический характер и никак не отражается на содержании и структуре этого документа.

комиссионной или комплексной (это отмечается особо); сведения об эксперте (экспертах); сведения об органе, назначившем экспертизу; сведения об основаниях ее проведения; дата поступления материалов на экспертизу и дата подписания заключения; наименование поступивших на экспертизу материалов и объектов для исследования; способ их доставки и вид упаковки; ходатайства о представлении эксперту дополнительных материалов, если таковые были заявлены; результаты их рассмотрения; представленные эксперту исходные данные (при автотехнической и некоторых других видах экспертиз) или обстоятельства дела, имеющие существенное значение для дачи заключения (например сведения о каких-либо необычных условиях выполнения исследуемой рукописи); сведения о лицах, присутствовавших при производстве экспертизы (фамилия, инициалы, процессуальное положение); вопросы, поставленные на разрешение эксперта. Здесь же приводятся вопросы, разрешенные экспертом по собственной инициативе.

Если экспертиза является дополнительной или повторной, в вводной части излагаются также сведения о предыдущих экспертизах (кем и где проведены, дата и номер заключения, полученные выводы), а также основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, указанные в постановлении (определении) о ее назначении.

Вопросы, поставленные перед экспертом, приводятся в заключении в той формулировке, в какой они указаны в постановлении (определении) о назначении экспертизы. Однако, если вопрос сформулирован не в соответствии с принятыми рекомендациями, но смысл его понятен, эксперт вправе переформулировать его, указав, как он понимает его в соответствии со своими специальными познаниями (с обязательным приведением первоначальной формулировки). Например, вопросы типа: «Не идентичны (тождественны) ли образцы почвы, изъятые с места происшествия, с почвой, обнаруженной на обуви обвиняемого?» эксперты обычно переформулируют следующим образом: «Не принадлежит ли почва, изъятая с места происшествия и с обуви обвиняемого, одному участку местности (роду, группе)?» Если же смысл вопроса эксперту неясен, он должен обратиться за разъяснением к органу, назначившему экспертизу. При наличии нескольких вопросов эксперт вправе сгруппировать их, изложив в такой последовательности, которая обеспечила бы наиболее целесообразный порядок исследования.

В исследовательской части заключения излагается процесс экспертного исследования и его результаты и дается научное объяснение установленных фактов. Здесь, в частности, должно быть указано состояние объектов исследования, методы исследования и технические условия их применения (в том числе условия проведения экспертного эксперимента, если таковой проводился), ссылка на справочно-нормативные материалы и литературные источники, а также на результаты следственных действий,

если они имеют значение исходных данных при обосновании выводов. В этой части эксперт должен дать оценку полученных результатов как оснований для формулирования выводов (например оценку совокупности выявленных признаков почерка).

При комплексной экспертизе, как уже указывалось, исследования, проведенные экспертами различных специальностей (профилей), излагаются отдельно и подписываются ими, а выводам предшествует синтезирующая часть, в которой дается совокупная оценка результатов исследований.

Выводы представляют собой ответы на поставленные перед экспертом вопросы. На каждый из этих вопросов должен быть дан ответ по существу либо указано на невозможность его решения. Выводы по обстоятельству, установленным экспертом по собственной инициативе, излагаются в конце.

Приложения к заключению эксперта (фототаблицы, чертежи, схемы, диаграммы, ведомости и т. п.) также подписываются экспертом и заверяются печатью экспертного учреждения.

Если экспертом не разрешен ни один из поставленных вопросов, а также не решались вопросы по собственной инициативе, составляется сообщение о невозможности дачи заключения. Содержание и структура его такие же, как и заключения, только последняя часть его именуется заключительной и в ней указывается на невозможность решения поставленных вопросов (если экспертом не разрешена только часть вопросов, в отношении их дается вывод о невозможности их решения, который излагается в заключении вместе с разрешенными вопросами).

Сообщение о невозможности дачи заключения нужно отличать от отказа от производства экспертизы и возвращения материалов без исполнения. Такой отказ имеет место в случаях, когда производство исследований вообще невозможно, например при грубых процессуальных нарушениях (отсутствует постановление о назначении экспертизы, не представлены объекты, указанные в постановлении), если орган, назначивший экспертизу, не устранил этих нарушений после сообщения об этом руководителя экспертного учреждения; в случаях, когда в экспертном учреждении отсутствуют соответствующие специалисты или необходимое оборудование и т. п. При отказе от производства экспертизы какого-либо процессуального документа не составляется, мотивы отказа излагаются в препроводительном письме.

В логической структуре заключения эксперта можно выделить три компонента: 1) общее правило — научное положение, из которого исходил эксперт (большая посылка); 2) конкретные данные об исследуемом объекте — признаки, исходные данные (меньшая посылка, или аргумент); 3) собственно вывод — умозаключение (доказываемый тезис). Вывод получается, таким образом, по логическим правилам силлогизма. Например:

1) Признаками смерти от утопления являются резкое вздутие и увеличение легких, отек тканей, наличие жидкостей в пазухе основной кости черепа и т. д.

2) При исследовании трупа А. обнаружены указанные признаки.

3) Смерть А. наступила от утопления.

Разумеется, эта схема представляет собой предельно упрощенную логическую модель процесса получения экспертного вывода. Фактически этот процесс гораздо сложнее и далеко не сводится к классическому силлогизму. Особенно это относится к идентификационным исследованиям, где меньшая посылка — суждение о том, что выявленная совокупность идентификационных признаков индивидуальна и неповторима, — устанавливается на основе индуктивной (вероятностной) логики, что представляет собой как раз наибольшую сложность. Тем не менее указанный силлогизм всегда имеет место, и выделение его компонентов совершенно необходимо для анализа и оценки логической структуры заключения эксперта. Рассмотрим кратко эти компоненты.

Большая посылка (общее правило) представляет собой научное положение, из которого исходил эксперт при построении вывода, в том числе о методах и средствах исследования, их надежности и возможностях. Большая посылка составляет компонент специальных познаний эксперта, ее установление находится за пределами экспертного исследования как процессуального действия. Обычно экспертные методики и иные используемые экспертами общенаучные положения разрабатываются в ходе научно-исследовательской, а не процессуальной деятельности.

Большая посылка во многом определяет правильность экспертного вывода. Поэтому она также подлежит оценке следствием и судом, которые могут подвергнуть сомнению любую экспертную методику. В связи с этим данные, составляющие большую посылку, подлежат обоснованию и фиксации в экспертном заключении. Однако возникает вопрос, в каком объеме должно осуществляться такое обоснование и фиксация? Очевидно, что нет ни возможности, ни необходимости подробно излагать те научные положения, из которых исходил эксперт, так как нередко по этим вопросам имеется не один том научной литературы. Тем не менее какие-то минимальные требования к такому изложению предъявляются. Так, в соответствии с инструктивными нормами в исследовательской части заключения должно содержаться указание на примененные методы, справочные нормативные документы, которыми руководствовался эксперт, и литературные источники. Например, эксперт должен объяснить в своем заключении, откуда взяты те или иные коэффициенты и другие табличные данные или какими нормативными предписаниями (например правилами ведения бухгалтерского учета) он руководствовался при построении вывода.

Представляется также, что эксперт не должен ограничиваться перечислением примененных им методов исследования, а хотя бы

в общих чертах разъяснить их смысл и назначение (например: «Вопрос о соответствии или несоответствии выполнения записей дате, имеющейся на документе, решается путем определения состава паст и сравнения их со стандартными рецептурами за соответствующий период времени. С этой целью было проведено исследование состава паст следующими методами...»). Разъяснение в общедоступной форме сущности научного положения и методики исследования имеет большое значение для правильной оценки заключения эксперта.

Меньшая посылка (аргумент) может быть двоякого рода — либо признаки, выявленные самим экспертом (признаки близкого выстрела, травления или подчистки документов и т. п.), либо сведения, представленные эксперту следователем или судом в качестве исходных данных (например, скорость движения транспортных средств и пешеходов при автотехнической экспертизе). В последнем случае эксперт не вправе вдаваться в их оценку по существу, он может только анализировать их как посылки для вывода (их способность служить аргументом, достаточность для вывода и т. п.). При наличии к тому оснований эксперт может указать также на техническую несостоятельность представленных ему исходных данных (например, что такая скорость техники недостижима для данной модели транспортного средства).

По своей правовой природе факты, составляющие меньшую посылку, являясь доказательствами в рамках экспертного исследования, тем фактическим базисом, на котором основывается вывод («внутренними доказательствами», по удачному выражению А. А. Эйсмана). Поэтому они подлежат обязательной фиксации и оценке экспертом. Эта фиксация и оценка включает в себя три момента. Во-первых, если эти данные выявлены самим экспертом, в заключении должен быть описан процесс их установления, использованные при этом методы. (Это не относится к исходным данным, которые фиксируются экспертом в качестве готовых посылок.) Во-вторых, экспертом должна быть дана их интерпретация, научное истолкование, показана их значимость для вывода⁹⁴. И, в-третьих, в заключении должна быть аргументирована их достаточность для вывода.

Вывод — это умозаключение эксперта, сделанное по результатам проведенных исследований на основе выявленных или представленных ему данных об исследуемом объекте (меньшей посылки) и общего научного положения соответствующей отрасли зна-

⁹⁴ «Следует напомнить, что в преобладающем числе случаев главная трудность экспертизы, требующая в наибольшей степени профессиональных знаний и опыта, состоит не в обнаружении признаков (все признаки почерка, например, просто видны невооруженным глазом), а в их отделении от случайных помех, в оценке их значения, в их научном истолковании» (Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. — М.: Юридическая литература, 1967, с. 97).

ния (бóльшей посылки). Вывод представляет собой квинтэссенцию заключения, конечную цель экспертизы.

Требования, которым должен удовлетворять вывод эксперта, можно сформулировать в виде следующих трех принципов:

1) принцип квалифицированности. В соответствии с этим принципом эксперт вправе формулировать только такие выводы, построение которых требует достаточно высокой профессиональной квалификации, соответствующих специальных познаний. Вопросы, не требующие таких познаний, какой-либо профессиональной подготовки, не должны решаться экспертом, а если они им решены, то выводы по ним не имеют доказательственного значения. Данный принцип вытекает из другого, более общего принципа — принципа разделения процессуальных функций. Поскольку эксперт привлекается к участию в деле только в случаях, когда возникает потребность в специальных познаниях, он не вправе вдаваться в решение вопросов, не требующих таких познаний (подобно тому как следователь или судья не может делать каких-либо выводов с использованием специальных познаний, даже если он обладает таковыми);

2) принцип определенности. Согласно этому принципу недопустимы неопределенные, двусмысленные выводы, позволяющие различное истолкование. Неопределенными будут, например, выводы об «одинаковости» или «аналогичности» объектов без указания на конкретные совпадающие признаки, выводы об «однородности», в которых не указан конкретный класс, к которому отнесены исследуемые объекты, выводы типа: «почерк Иванова соответствует представленным образцам» и т. п.;

3) принцип доступности. Он означает, что выводы эксперта могут быть использованы в процессе доказывания по делу, если они не требуют для своей интерпретации специальных познаний, являются доступными при логическом оперировании ими в качестве посылок в ходе построения выводов следователем и судом (в обвинительном заключении, приговоре и др.). Не соответствуют данному принципу, например, выводы при идентификационных исследованиях о совпадении химических элементов, входящих в состав исследуемых объектов, поскольку следователь и суд, не обладая соответствующими специальными познаниями и не зная степени распространенности перечисленных экспертом химических элементов, не в состоянии оценить доказательственное значение такого вывода. В качестве примера можно привести следующий вывод эксперта: «Бумага данного пыжа по волокнистому составу и характеру помола одинакова с бумагой представленных на исследование обрывков газеты «Сельская жизнь» № 18». Оценить его доказательственное значение, не имея соответствующих специальных познаний, невозможно, так как неизвестно, присущи названные экспертом признаки только данному экземпляру газеты, всем экземплярам газеты «Сельская жизнь» либо также газетам других названий.

§ 2. Оценка заключения эксперта

Советское законодательство и правовая наука не знают каких-либо исключительных доказательств.

Заключение эксперта не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и подлежит обязательной оценке следователем и судом. На каких бы точных научных данных ни был основан экспертный вывод, он не может приниматься на веру. В уголовно-процессуальном законе специально оговорено, что заключение эксперта не является обязательным для лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда (ст. 80 УПК РСФСР). На недопустимость не критического отношения к заключению эксперта и необходимость его тщательной и всесторонней оценки в соответствии с общими принципами оценки доказательств, закрепленными в законе (ст. 71 УПК РСФСР), указано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. (п. 14), а также неоднократно обращалось внимание Верховным Судом СССР и Верховными судами союзных республик при рассмотрении конкретных дел⁹⁵.

Оценка заключения эксперта, как и любого другого доказательства, включает в себя определение его допустимости, относимости, достоверности и доказательственного значения.

Допустимость заключения эксперта как судебного доказательства означает его пригодность по форме, соответствие его требованиям процессуального закона. Заключение, полученное с существенным нарушением закона, не может выступать в качестве доказательства по делу независимо от степени его научной обоснованности и убедительности. Допустимость заключения эксперта предполагает надлежащего субъекта экспертизы, процессуальную пригодность ее объектов, соблюдение процессуального порядка назначения и проведения экспертизы и правильное оформление ее результатов.

Субъектом экспертизы является лицо, обладающее соответствующими специальными познаниями, назначенное следователем или судом в качестве эксперта по данному делу. Эксперт должен быть достаточно компетентным в требуемой отрасли знания. При производстве экспертизы вне экспертного учреждения следователь и суд должны сами убедиться в его специальности и компетентности (ст. 189 УПК РСФСР). При поручении экспертизы экспертному учреждению выбор конкретного эксперта и проверку его компетентности осуществляет руководитель данного учреждения. Однако это не освобождает следователя и суд от обязанности проверить соответствие специальности и профиля эксперта проводимым исследованиям.

⁹⁵ См., например, Бюллетень Верховного Суда СССР, 1980, № 2, с. 26—27; 1980, № 6, с. 16—19; Социалистическая законность, 1980, № 9, с. 77.

При оценке заключения эксперта должно быть проверено также, не заинтересован ли эксперт в исходе дела и нет ли иных оснований к его отводу. Так, отменив приговор по делу М., осужденного судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Грузинской ССР за умышленное убийство, Пленум Верховного Суда СССР в числе других процессуальных нарушений указал, что судебно-медицинский эксперт (хирург по специальности), проводивший экспертизу трупа для установления причины смерти, оперировал потерпевшего, а затем принимал участие в его лечении, в связи с чем правомерность его привлечения в качестве эксперта по данному делу вызывает сомнение⁹⁶.

Экспертному исследованию могут быть подвергнуты только объекты, которые надлежащим образом процессуально оформлены. В случае существенных нарушений в их оформлении, влекущих за собой их недопустимость, заключение эксперта также теряет доказательственную силу.

Необходимым условием допустимости заключения эксперта является также соблюдение процессуального порядка назначения и проведения экспертизы. Существенные нарушения, допущенные при производстве экспертизы (особенно ущемление прав обвиняемого), могут повлечь за собой недопустимость экспертного заключения.

И, наконец, следователем и судом должна быть проверена правильность оформления заключения эксперта, наличие в нем всех необходимых реквизитов, предусмотренных законом и другими нормативными актами. Например, отменив определение о направлении на принудительное лечение в психиатрическую больницу, специального типа Т., обвинявшегося в умышленном убийстве, и направив дело на новое судебное рассмотрение, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, в частности, что, исходя из текста заключения судебно-психиатрической экспертизы, она проводилась зам. главного врача областной психоневрологической больницы, однако подписано заключение другим лицом. При повторном рассмотрении дела суду было предложено выяснить, кем фактически была проведена экспертиза, и в зависимости от этого решить вопрос о проведении новой экспертизы⁹⁷.

Относимость заключения эксперта означает его способность служить средством установления фактов, входящих в предмет доказывания. Относимость в отличие от допустимости — это свойство не формы, а содержания доказательств. Экспертиза может устанавливать факты, непосредственно входящие в предмет доказывания (принадлежность предмета к категории огнестрельного оружия, причина смерти, размер и период образования недостатка и пр.), и тогда ее относимость не вызывает сомнений. В

⁹⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 1, с. 30.

⁹⁷ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1976, № 5, с. 8—9.

других случаях экспертным путем исследуются иные факты, которые не имеют самостоятельного правового значения, а служат средством установления фактов, входящих в предмет доказывания (так называемые доказательственные факты), например при идентификации обуви по следам, огнестрельного оружия по стреляным пулям и гильзам и т.п. Надо сказать, что в принципе относимость заключения эксперта каких-либо существенных особенностей по сравнению с относимостью других видов доказательства не имеет, так как факт является относимым или неотносимым независимо от того, установлен он экспертным путем или какими-то иными средствами (например свидетельскими показаниями). Относимость факта определяется после того, как он установлен (хотя бы предположительно), и в этот момент не имеет значения, как именно он доказан. Применительно к экспертному заключению в этом отношении можно отметить лишь следующую особенность. Относимость заключения зависит прежде всего от относимости объектов, которые исследовались экспертом, и если последняя не подтвердилась, то автоматически теряет это свойство и заключение эксперта. Например, если будет установлено, что отпечаток пальца, исследованный экспертом, оставлен на месте происшествия при обстоятельствах, не имеющих отношения к преступлению, то и заключение эксперта становится неотносимым⁹⁸.

Достоверность заключения эксперта включает в себя два момента: во-первых, его правильность, соответствие объективной действительности (истинность) и, во-вторых, его обоснованность, убедительность. Как известно, в основу договора могут быть положены доказательства, которые не только истинны, но и достоверны, то есть не вызывают сомнений. Истинной может оказаться и случайная догадка, неаргументированное высказывание. Поэтому к судебным доказательствам предъявляется еще требование достоверности⁹⁹.

Определение достоверности заключения эксперта является обычно наиболее сложным и ответственным элементом его оценки. Достоверность заключения устанавливается как путем анализа его самого, его содержания и внутренней структуры, так и посредством сопоставления его с другими доказательствами, оценки его в их совокупности. Оценка содержания заключения эксперта включает в себя следующее.

⁹⁸ Нужно иметь в виду, что относимость доказательств, как правило, устанавливается в конце расследования, при оценке достаточной совокупности собранных доказательств. На начальном этапе расследования она чаще всего определяется лишь предположительно. (Подробнее об этом см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Юридическая литература, 1973, с. 252 и след.)

⁹⁹ Подробнее об этом см.: Орлов Ю. К. О соотношении и содержании категорий истины и достоверности в судебном доказывании. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М., 1976, с. 127 и след.

Во-первых, оценке подлежит общее научное положение, из которого исходил эксперт (большая посылка). Как правило, эксперты (во всяком случае в экспертных учреждениях) проводят исследования по заранее разработанным методикам, официально апробированным и утвержденным. Надежность их обычно достаточно высока. Тем не менее за следователем и судом остается бесспорное право проверки этой надежности, в частности путем допроса эксперта или собирания других дополнительных доказательств. В судебной практике бывают, хотя и редко, случаи, когда научная обоснованность экспертной методики ставится под сомнение кем-либо из участников процесса (обычно адвокатами) и становится предметом активного обсуждения в судебном заседании. Однако чаще всего ставится под сомнение не научная обоснованность экспертной методики, а правомерность ее применения в данном конкретном случае. Например, по делу о столкновении автомобиля с прицепом и трактора с прицепом повторная автотехническая экспертиза была назначена в связи с тем, что при ответе на вопрос, на каком расстоянии от места столкновения находился автомобиль в момент начала реакции водителя, экспертом была использована формула определения расстояния для случаев, когда наезд произошел в конце торможения. В данном же случае наезд-столкновение имел место в процессе торможения, в связи с чем эта формула неприменима.

В практике встречаются также случаи использования экспертами (особенно «частными») устаревших или нерекомендованных методик, неправильного выбора коэффициентов или иных табличных данных. Это также необходимо учитывать при оценке достоверности заключения эксперта. Например, по делу о столкновении автомобилей в заключении эксперта-автотехника коэффициент торможения для автомобиля с грузоподъемностью свыше 4,5 т на сухом асфальтовом покрытии был взят равным 1,5, в то время как по таблицам ВНИИСЭ он равен 2,0. В связи с этим по делу была назначена повторная экспертиза, которая не подтвердила вывод первичной.

Во-вторых, при оценке достоверности заключения эксперта нужно учитывать достаточность предоставленного эксперту исследовательского материала. На практике эксперты не всегда используют свое право заявить ходатайства о предоставлении дополнительных материалов и иногда дают заключение на основании недостаточной совокупности таких материалов, что приводит к экспертным ошибкам. Примером может служить заключение психиатрической экспертизы по делу Щ., обвинявшегося в совершении ряда тяжких преступлений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила определение областного суда об освобождении Щ. от уголовной ответственности и указала, что правильность экспертного заключения о невменяемости Щ. вызывает сомнения, так как ссылки экспертов на якобы перенесенные им тяжелые заболевания и нахождение на излечении в

психиатрической больнице документально не подтверждены и включены в акт экспертизы со слов обследуемого. Судебная коллегия указала, что все эти данные необходимо тщательно проверить следственным путем, поскольку они имеют первостепенное значение для решения вопроса о психической полноценности Ш. и его вменяемости. Коллегия предложила также при новом расследовании собрать подробные данные о поведении Ш. на работе и в быту и с их учетом провести повторную судебно-психиатрическую экспертизу. В определении коллегии отмечено, что свой вывод о том, что заключение судебно-психиатрической экспертизы является правильным, суд обосновал впечатлениями о поведении Ш. в судебном заседании и общими рассуждениями о нелогичности его поведения в момент совершения преступления, в то время как по смыслу закона, оценивая выводы эксперта, он должен был проверить достоверность и достаточность тех материалов, которые исследовались экспертами-психиатрами¹⁰⁰.

В-третьих, оценке подлежит правильность представленных эксперту исходных данных. Если вывод эксперта строится не на выявленных им самим признаках (например признаках почерка), а на исходных данных, представленных эксперту в качестве готовых посылок (например при автотехнической экспертизе), то по своей логической природе он является условным, то есть будет правильным лишь при условии истинности этих данных. Поэтому суд, прежде чем положить этот вывод в основу приговора, должен убедиться в правильности исходных данных¹⁰¹. Если исходные данные меняются (например в связи с изменением или уточнением свидетельских показаний о скорости движения транспортных средств и пешеходов), должна быть назначена новая экспертиза¹⁰².

В-четвертых, должна быть проверена полнота проведенного экспертом исследования (например, все ли три полости вскрывались при исследовании трупа). Экспертные ошибки допускаются иногда потому, что эксперт недостаточно полно провел исследования, не применил всех современных методов. Так, при производстве баллистической экспертизы по делу Б. эксперт не провел химического исследования следов выстрела для выявления картины металлизации (диффузно-копировальный метод), а также экспериментальных выстрелов в исследуемую одежду. В результате был дан неправильный вывод о дистанции выстрела (25—50 см). При повторной экспертизе после проведения указанных исследо-

¹⁰⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 7, с. 5—6.

¹⁰¹ Вообще, строго говоря, в этом случае заключение в целом (то есть включая и вывод и условие) остается правильным, даже если оно основано на неверных исходных данных (если, разумеется, не было допущено ошибки в расчетах). Оно отвергается не потому, что является неверным, а потому, что становится неотнормированным. Особенно отчетливо это видно в ситуации, когда эксперту представляется для расчета одновременно несколько вариантов исходных данных, из которых заведомо только один может быть правильным.

¹⁰² Как уже говорилось (см. гл. III), такая экспертиза не будет повторной.

ваний был получен вывод, что выстрел произведен при плотном упоре.

Следователь и суд вправе назначить повторную экспертизу с предложением применить определенные методы исследования. Так, довольно часто суды ставят под сомнение выводы амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы и назначают повторную стационарную экспертизу¹⁰³. По делу о хищении ценностей из контейнера суд назначил повторную трасологическую экспертизу в связи с тем, что эксперт пришел к выводу об отсутствии признаков перепломбирования, не разрезав пломбу контейнера. При повторном исследовании с применением метода разрезания пломбы пополам этот вывод не подтвердился, и было дано категорическое заключение о том, что пломба подвергалась перепломбированию.

В-пятых, при оценке достоверности экспертного заключения необходимо проверить правильность выявленных экспертом признаков, которые послужили основой для его вывода (меньшая посылка). Обычно такие признаки доступны лишь лицам, обладающим соответствующими специальными познаниями. Однако некоторые ошибки экспертов в этом отношении вполне могут быть выявлены следователем и судом при внимательном изучении заключения. Например, по делу об изнасиловании и убийстве восьмилетней Р. на месте происшествия (на окраине села) была обнаружена дорожка следов резиновых сапог с отобразившимся рисунком подошвы типа «елочка». Изъятые у подозреваемого А. сапоги были направлены на экспертизу, которая дала категорическое заключение о том, что след оставлен не этими сапогами. Свой вывод эксперт обосновал, в частности, тем, что на сапогах и на слежке обнаружено разное количество выступов и углублений. Следователь поставил этот вывод под сомнение и назначил повторную экспертизу. В постановлении о ее назначении указывалось, что установленные экспертом признаки не соответствуют действительности: фактически на левом сапоге имеется 16 углублений, соответственно на слежке — 16 выступов. Повторная экспертиза не подтвердила вывод первичной экспертизы.

В-шестых, должна быть оценена правильность экспертной интерпретации выявленных признаков и их достаточность для вывода. Надо сказать, что эта часть оценки заключения в еще большей степени требует специальных познаний (и даже для экспертов эта часть исследования представляет наибольшую сложность, требует, как правило, высокой квалификации и достаточного опы-

¹⁰³ См., например, Бюллетень Верховного Суда СССР, 1976, № 4, с. 37. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, данному в постановлении от 16 марта 1971 г., решение вопроса о способе проведения экспертизы путем, например, амбулаторного или стационарного обследования лица входит в компетенцию эксперта. Однако суд вправе, если сочтет это нужным, указать в определении о назначении экспертизы на необходимость проведения стационарного исследования.

та). Однако и здесь возможно выявление некоторых экспертных ошибок следователем и судом. Например, по делу Г. эксперт дал категорический вывод о том, что след, обнаруженный на оконной занавеске, оставлен не обувью подозреваемого. В исследовательской части заключения было указано, что на занавеске имеется рисунок следа в форме ромбиков, а на подошве туфель Г. рисунок представляет собой квадратики с диагональю. Следователь назначил повторную экспертизу, указав в постановлении, что ткань занавески имеет подвижную основу и способна сокращаться или увеличиваться, меняя форму и размеры. При повторной экспертизе следы на ткани исследовались под натяжением, и был получен другой вывод.

Иногда эксперты при построении вывода не учитывают обстоятельства, имеющих существенное значение, хотя они указаны в постановлении (определении) о назначении экспертизы. Такие недостатки вполне могут быть выявлены следователем и судом, которые должны назначить повторную экспертизу для нового решения вопроса с учетом этих обстоятельств. Так, по упоминавшемуся делу об изнасиловании и убийстве восьмилетней Р. эксперт мотивировал свой вывод еще и тем, что на слепке отсутствуют дефекты подошвенной части, имеющиеся на левом сапоге подозреваемого. Следователь в постановлении о назначении повторной экспертизы указал, что отсутствие дефектов на слепке вполне может быть объяснено тем, что дефекты на подошве могли образоваться после совершения преступления, то есть в течение месяца, когда А. продолжал носить на работу данную обувь. Однако экспертом данное обстоятельство не было учтено.

Заключение эксперта подлежит также оценке в совокупности с другими собранными по делу доказательствами. Бывают случаи, когда по своему содержанию оно не вызывает каких-либо сомнений, однако противоречит другим материалам дела. Обычно в таких случаях назначается повторная экспертиза. Это представляется правильным, особенно в случаях, когда заключение имеет важное доказательственное значение. Если экспертом была допущена ошибка, не замеченная следователем или судом, она может быть выявлена при повторном исследовании. Если же подтвердится первоначальный вывод, то он получит дополнительное обоснование.

После того, как будет оценена достоверность заключения эксперта, определяется его доказательственное значение, его место в системе доказательств, собранных по делу.

Доказательственное значение заключения эксперта может быть различным в зависимости от того, какой факт им установлен. Нередко экспертным путем доказываются факты, входящие в предмет доказывания или являющиеся необходимым условием наступления уголовной ответственности (психическое состояние обвиняемого, принадлежность предметов к огнестрельному оружию, к наркотикам, драгоценным металлам или камням;

механизм дорожно-транспортного происшествия; наличие у водителя технической возможности предотвращения наезда и т.п.). В указанных случаях заключение эксперта приобретает важное, а то и решающее значение по делу и поэтому подлежит особо тщательной проверке и оценке. Однако чаще заключение устанавливает какие-либо доказательственные факты (например при идентификации обуви, пальцевых отпечатков, орудия преступления и др.).

В принципе доказательственное значение заключения эксперта оценивается так же, как и значение доказательств других видов, поскольку здесь, как и при определении относимости, важен установленный факт, а не средства его установления (если, разумеется, этот факт признан достоверным). Вместе с тем заключение эксперта имеет в этом отношении и некоторые особенности.

Во-первых, при определении его доказательственного значения необходимо учитывать изложенные в предыдущем параграфе принципы (требования), которым должен удовлетворять экспертный вывод. Выводы, не отвечающие этим требованиям, доказательственного значения не имеют. В частности, лишены доказательственного значения выводы эксперта по правовым вопросам (исключая специальные правила), например о том, имело место убийство или самоубийство.

Во-вторых, при оценке доказательственного значения заключения эксперта очень важно правильное понимание логической формы экспертного вывода, его смысла. Многие ошибки в такой оценке проистекают из-за неправильной трактовки вывода, неверного уяснения его смысла. Отметим некоторые, наиболее распространенные из них.

Так, выводы эксперта о возможности фактов (например о возможности «самопроизвольного» выстрела без нажатия на спусковой крючок при падении оружия или его встряхивании) иногда понимаются как выводы о действительных фактах. Между тем в них констатируется лишь возможность определенного события, а не то, что это событие имело место в действительности. Доказательственное значение их примерно такое же, как и результатов следственного (судебного) эксперимента, устанавливающего возможность какого-то события.

Бывают случаи неправильной оценки выводов о групповой (родовой) принадлежности объектов, когда следователи и судьи воспринимают их как заключения об индивидуальном тождестве. Например, вывод об одинаковой групповой принадлежности образцов почвы воспринимается как вывод о принадлежности их к конкретному участку местности. Между тем принадлежность объектов к любой, как угодно узкой группе неравнозначна индивидуальному тождеству, она является лишь косвенным доказательством такого тождества.

В-третьих, при оценке доказательственного значения заключения эксперта нужно обращать внимание на полноту заключения,

объем разрешенных экспертом вопросов (не путать с полнотой исследования, которая является условием достоверности заключения). Иногда при назначении экспертизы упускаются из виду вопросы, имеющие существенное значение, что снижает доказательственную ценность заключения эксперта и может повлечь за собой возвращение дела на дополнительное расследование или новое судебное разбирательство. Так, судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР был отменен приговор по делу С., осужденного за неосторожное причинение тяжкого телесного повреждения, и дело было направлено на дополнительное расследование в связи с тем, что перед экспертом не был поставлен вопрос о том, могло ли причиненное потерпевшему ранение левого глаза быть нанесено кулаком, хотя этот вопрос имеет решающее значение для определения формы вины осужденного, для установления, предвидел ли он последствия своих действий и как к ним относился¹⁰⁴. Встречаются случаи, когда эксперты отвечают не на все поставленные вопросы, сужают объем задания. Поэтому при оценке заключения необходимо проверять, насколько полно разрешены экспертом поставленные перед ним вопросы.

По результатам оценки заключения эксперта может быть, как говорилось выше, проведен допрос эксперта либо назначена дополнительная или повторная экспертиза. Если в деле имеется несколько противоречивых заключений, одни из них могут быть следователем и судом приняты, а другие отвергнуты. Однако несогласие с заключением должно быть подробно мотивировано в соответствующем процессуальном документе (обвинительном заключении, приговоре).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Правовая природа экспертизы	
§ 1. Понятие экспертизы. Основания ее назначения и проведения	3
§ 2. Предмет и объекты экспертизы	10
§ 3. Соотношение судебной экспертизы с другими формами использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве	20
Глава II. Процессуальный порядок производства экспертизы	
§ 1. Производство экспертизы на предварительном следствии. Допрос эксперта следователем	29
§ 2. Производство экспертизы в суде	42
Глава III. Особые виды экспертиз	
§ 1. Дополнительная и повторная экспертизы	50
§ 2. Комиссионная и комплексная экспертизы	56
Глава IV. Заключение эксперта и его оценка	
§ 1. Содержание и структура заключения эксперта	64
§ 2. Оценка заключения эксперта	70

¹⁰⁴ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1975, № 12, с. 11—12.

Доцент
Орлов Юрий Кузьмич

ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Редактор **Б. И. Ременникова**
Техн. редактор **Р. И. Вайсбурд**
Корректор **Г. В. Бушкина**

Сдано в набор 21/VIII-82 г.
Заказ 2082 Объем 5 п. л.

Подписано к печати 28/X-82 г.
Тираж 2000 Цена 17 коп.

РИО ВЮЗИ, 2-й Волконский пер., 5/7

Типография НИИмаш, г. Щербинка